

ВЕРА КУШНИР

ЖИЗНЬ ЛИШЬ
ОДНА

Вера Кушнир

**Жизнь лишь одна. Повесть о
миссионерской выносливости**

«Titel-Verlag»

2006

Кушнир В. С.

Жизнь лишь одна. Повесть о миссионерской выносливости
/ В. С. Кушнир — «Titel-Verlag», 2006

ISBN 3-934583-34-2

Биографическая повесть о жизни и служении Леона Розенберга, основателя и директора американо-европейской миссии «Вефиль», читается легко и увлекательно, основана на большом фактическом материале, воспоминаниях Веры Кушнир, Марии Слорт и др. В этой книге нет вымысла, она написана одной из пяти внучек Л. Розенберга, известной христианской писательницей и общественной деятельницей Верой Кушнир, которая продолжает дело, начатое однажды её дедом. Эта книга необычна, а в некоторых отношениях даже уникальна. Знаток раввинской науки, Л.Розенберг стал ревностным проповедником и миссионером Креста Христова. Во славу Божью, книга посвящается многочисленным потомкам Леона и Фанни Розенберг, а также всем читателям, которые хотят следовать тернистым, узким путём за нашим Спасителем и Господом Иисусом Христом. Я бесконечно благодарна всем, кто молился и поддерживал меня во время моего многомесячного странствия по «пустыне» пожелтевшего архива в поисках хронологической последовательности в этой незаурядной повести. Выражаю искреннюю признательность брату Константину Бондарю за безвозмездную корректуру русского текста, а также Марии Слорт, младшей дочери Розенбергов, – за воспроизведение по памяти отдельных деталей этой замечательной истории, за чтение и корректуру английской рукописи. Жизнь лишь одна так быстро пролетит, лишь то, что Божье, вечно устоит! Вера Кушнир

ISBN 3-934583-34-2

© Кушнир В. С., 2006

© Titel-Verlag, 2006

Содержание

Введение	7
Часть 1	9
Глава 1 Раннее воспитание в древних традициях	9
Происхождение	9
Обрезание	11
Еврейская школа	12
Цитцит и ермолка	13
Мезуза	14
Ханukka – праздник посвящения	14
Пурим	15
Лаг Б’Омер	15
Суббота	15
Суккот	17
Пасха	17
Страх перед крестом	19
Детская шалость	19
Подготовительные занятия	20
Самоуважение	21
Первая и последняя сигарета	21
Глава 2	22
Бар Мицва	22
Ученики Торы	24
В плену суеверий	25
Светское образование	25
Вопросы	25
Таинственная книга	26
Новое открытие	27
Взрыв преследования	27
Чудесное вмешательство	28
Новый друг	29
Новые пути	30
Глава 3	31
Событие на площади	31
Попранное сокровище	31
Внутренняя борьба	32
Совпадение	33
Спор о Троице и монотеизме	33
Камень преткновения	36
Фанни	38
Роковое решение	39
Странные Божии пути	40
Ужасающая процедура	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вера Сергеевна Кушнир
Жизнь лишь одна. Повесть о
миссионерской выносливости

© Titel-Verlag, 2006

Введение

Уступая настойчивым, многолетним просьбам друзей и сотрудников в Божьем винограднике, мы решили, наконец, опубликовать описание жизни и служения основателя и ныне покойного директора американо-европейской миссии «Вефиль» Леона Лазаревича Розенберга.

Повесть о жизни этого человека необычна, а в некоторых отношениях даже уникальна. Она передает путь знатока раввинской науки, ставшего ревностным проповедником и миссионером Креста Христова. Его жизнь делится на два совершенно разных мира: иудейский раввинский мир, в котором Леон Розенберг родился и провел юные годы до 20-летнего возраста, воспитываясь в строго ортодоксальном духе, и христианский мир, в котором он прожил весь остаток жизни после своего духовного возрождения.

Последние годы ранней молодости Леона, завершившиеся успешным окончанием раввинской семинарии, были проведены во мраке неопределенности и глубокой тоски от внутренней борьбы, неудовлетворенной жажды знаний и поисков истины. Сила такого рода духовной борьбы известна только тем, кто сам ее пережил. Пропасть между раввинским иудаизмом и библейским христианством, которое мы назовем в данном контексте «мессианством», казалась непреодолимой. Власть закона, строгие требования старцев с их бесконечными правилами и предписаниями оказали глубокое влияние на жизнь Леона, между тем как свет верного пророческого слова, проливаемый книгами библейских пророков, оставался скрытым от ума и духа учащихся у раввинов; его изучение строжайше запрещалось.

Подлинным чудом можно назвать подвиг того, кому удастся выбраться из лабиринта раввинских «интерпретаций» и «объяснений» Священного Писания, изложенных на страницах непомерно запутанного Талмуда. Но, с другой стороны, часто поверхностные и догматические проповеди христиан, представляющих Иисуса Христа как обещанного и ожидаемого Мессии Израиля, только усугубляли внутреннюю борьбу того, чье жизнеописание мы намерились опубликовать.

Перед биографом стоит задача познакомить читателя с некоторыми ранними, слабыми попытками нашего героя найти доказательства мессианства Иисуса из Назарета, в частности, Его притязаний на звание Единородного Сына Божия. Изложения горячих споров с теми, кто отстаивал эти притязания, откроют глаза многим читателям и познакомят их с такими иудеями, которые не потому иудеи, что родились таковыми, а потому, что стали ими по личному выбору и вере (Римл. 2:28–29).

Мир раввинского, талмудического иудаизма ничем не похож на христианство. Аргументы, к которым прибегал юный Леон Розенберг, защищая свою веру, и то, как он, в конце концов, преодолел все преграды и камни преткновения на пути своего обращения ко Христу, помогут многим из тех, кого интересует спасение Израиля как нации и личное спасение тех, кто принадлежит к этому народу.

В жизни Леона Розенберга признание Христа своим Господом и Спасителем было настоящей победой благодати Божией и могучим подтверждением того, что Евангелие Христово есть «сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину» (Римл. 1:16). Несмотря на то, что борьба между тьмою и светом в жизни Леона Розенберга продолжалась довольно долго, слава Богу за то, что окончательная победа была за Господом! Раввинский пыл и рвение Леона возродились вместе с ним и были освящены, полностью отданы на то, «дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет...» (1 Петр. 2:9).

Оба мира, в которых прошла жизнь Леона Розенберга, были насыщены волнующими событиями, подробное описание которых потребовалось для того, чтобы показать резкое

разграничение между этими мирами. В годы раннего детства и юности Леона, сына раввина, готовили к раввинскому служению, чтобы он последовал по стопам отца. Опыт второго, христианского мира, в который Леон вступил после своего духовного возрождения, делится, в свою очередь, на несколько периодов, из которых первый был проведен в царской России, строгие законы которой запрещали распространение Евангелия¹. Оберпрокурор Священного Синода Православной церкви Константин Победоносцев строго следил за тем, чтобы эти законы не нарушались, а их нарушители сурово наказывались.

Дивное водительство Господа в жизни героя нашей повести повело его не только на славные вершины особых благословений, но и в долину смертной тени – во времена погромов и ссылки в Сибирь.

Вторым периодом христианской жизни Леона была жизнь при советской власти. Это было время открытой борьбы большевистского режима со всеми видами религии, когда бывшие гонители из рядов официальной церкви были судимы и ссылаемы вместе с теми, кого они еще недавно так яростно преследовали.

Третий период – годы гитлеровского нацизма со всеми его ужасами, унесшими из жизни дочь и зятя Розенбергов, старшую сестру Леона с мужем и тремя детьми, некоторых других родственников, а также служителей и более 200 питомцев сиротского приюта «Вефиль» в Польше. Все эти близкие Розенбергам люди испили горькую чашу страданий вместе с миллионами евреев, уничтоженных только за то, что они были евреями.

Четвертый и самый прекрасный период в христианской жизни Леона Розенберга длился почти двадцать лет в США, после возрождения миссии «Вефиль» и рождения Израильского государства в Палестине. Это был самый радостный и плодотворный период в жизни закаленного в житейских бурях миссионера. Многие пришли ко Христу в результате молитв и стараний директора миссии, его жены и их сотрудников в США и Израиле. Леон Розенберг часто повторял, что самый ценный урок, преподанный ему Господом за все прошедшие годы, заключался в том, что ничто не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе (Римл. 8:39).

Большая часть жизни Леона Розенберга прошла под тенью Голгофского креста и во многих отношениях напоминает жизнь апостола Павла, о котором Сам Господь сказал: «Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян. 9:16). Зная это, Павел не боялся страданий и писал верующим в Риме: «...Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Римл. 8:18). Леон Розенберг также глубоко верил в постоянство Христовой любви и часто в своих выступлениях цитировал апостола Павла: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл. 8:35–39).

Мы пишем эти строки с глубокой благодарностью Богу за Его неизреченную благодать и милость, которая так обильно обогатила жизнь этого выдающегося служителя Иисуса Христа, и молимся, чтобы повесть о нем послужила источником благословения и ободрения для всех читателей.

¹ Речь идет о запрете на проповедь Евангелия представителями деноминаций, отличных от Русской православной церкви.

Часть 1

Глава 1 Раннее воспитание в древних традициях

Происхождение

Леон Розенберг был восточно-европейским евреем, которых называли ашкенази². Несколько слов следует сказать о предках Леона, хотя бы о ближайших из них. Его деда по отцу, Акиву, высоко уважали и ценили в обществе за честность и щедрость характера. За особые заслуги император Николай I наградил его исключительной привилегией владения землей, хотя в царской России евреям не разрешалось приобретать землю. У деда Акивы был прекрасный участок земли, но сам он не занимался земледелием. Он поручил управление хозяйством доверенному и опытному эконому, а сам проводил время за изучением Писаний и Талмуда.

Родители матери Леона тоже были уважаемыми гражданами своего общества. Дед, раввин Йосселе, был известным «ландоном», т. е. высоко ученым человеком. За свою эрудицию и богобоязненность он был признан в хасидских³ кругах праведником, у него были тысячи приверженцев и последователей.

Леон Розенберг родился 15 февраля 1875 г. в городе Ополе, нынешней Польше, которая тогда принадлежала к огромной Российской империи. Он был сыном-первенцем у отца Елеазара (Лазаря) и матери Гали. Отца Леона знали как ребе Елеазара ха-Когана, т. е. как священника. Здесь будет уместно отметить, что еврейское священство по сей день строго соблюдается в израильском народе. Сан священника не может быть воспринят произвольно, т. е. любым раввином или другим еврейским духовным служителем. Это служение несут только те, кого синагога признает потомками колена Левия и сынами Аарона (Числ. 3:9-10).

Можно ли сегодня установить священство? Существуют ли родословные, документирующие священническую преемственность? На эти вопросы мы должны ответить отрицательно. Однако, хотя генеалогические документы до нас не дошли, преемственность тщательно сохраняется преданием – от отца к сыну, от поколения к поколению. Апостол Павел писал о некоторых преданиях, которые хранил сам, и об апостольских преданиях, словах и посланиях, держаться которых советовал церкви (Гал. 1:14; 2 Фес. 2:15, 3:6). Согласно словам пророка Осии (3:4), еврейский священник, находившийся вдали от Иерусалима и лишенный Храма, не имел права приносить жертвы и исполнять другие ритуалы, связанные со служением именно в Храме. Но у священников рассеяния было много иных обязанностей, помимо ритуала выкупа первенцев (Числ. 18:15).

² Ашкенази, или ашкеназы, – это часть евреев, потомки выходцев из средневековых германских княжеств. Ашкенази составляют большую часть еврейского населения Европы и Америки, больше половины еврейского населения Израиля. Язык – идиш (германская группа индоевропейской семьи языков). В противоположность ашкенази, сефарды – этническая группа евреев, пользующаяся языком ладино (сефардским), близким к испанскому. Это потомки выходцев с Пиренейского полуострова, живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, а также в Израиле.

³ Хасидизм (от древнееврейского слова «хасид» – благочестивый) – движение еврейского религиозного возрождения, возникшее в первой половине XVIII века среди еврейского населения Волыни, Подолии и Галиции. Началось как оппозиционное движение против официального иудаизма, в частности раввината. Во главе хасидских общин стоят цадики (евр. «праведники»). Постепенно хасидизм сблизился с раввинатом, противоречия были в значительной степени устранены.

На субботних и праздничных богослужениях им отдавалось предпочтение: только священник мог раскрывать и читать свиток Торы в дни великих праздников и произносить Аароново благословение (Числ. 6:24–26). Никто, кроме священника, не мог этого делать, – даже раввин или руководящий молитвами. Это делалось по указанию Бога, данному Моисею (ст. 23).

Аароново благословение в рассеянии сопровождается специальной церемонией: священник разувается и после ритуала омовения рук становится перед ковчегом, заменяющим Ковчег Завета в ветхозаветной Скинии или Храме. В современном ковчеге хранятся свитки Торы (один-два или больше). Священник покрывает голову таллитом (молитвенной шалью) и поднимает руки, символизируя крылья херувимов на крышке ветхозаветного Ковчега – престола Божьей милости в Святом святых. Определенно сложенными пальцами рук он тоже изображает крылья херувимов. Произнося благословение (Числ. 6:24–26), священник останавливается после каждого стиха, давая присутствующим возможность ответить соответствующими молитвами. Главной целью такого ревностного сохранения должности священника в наши дни является поддержание готовности к служению в Храме, о скором восстановлении которого в Иерусалиме, когда придет обещанный Мессия, евреи мечтают с незапамятных времен.

Один из раввинов, у которого Леон Розенберг учился в семинарии, обучал исключительно сыновей священников, готовя их к служению в будущем Храме. Этого раввина называли Хофез Хаим из-за его крайней набожности и веры в то, что Мессия придет еще при его жизни. Эта вера и побуждала его готовить священников к служению в Храме.

У Леона было три дня рождения. Его первый, фактический день рождения – 15 февраля 1875 г. Однако, потому что он был сыном священника, день рождения нельзя было зарегистрировать в бюро гражданских регистраций. Его отцу было неловко регистрировать своего сына-первенца у светских (языческих) властей. В оправдание он приводил текст из Книги Чисел (23:9), где говорится, что Израиль не должен числиться между народами. Под «народами» в Ветхом Завете всегда подразумевались язычники. Как известно, Израиль сам вел запись родословных и производил периодические переписи общества.

Второе возражение отца Леона было основано на тексте: «...Только колена Левиина не вноси в перепись и не исчисляй их с сынами Израиля...» (Числ. 1:49). И все же идти против гражданского закона отец Леона не решился и, будучи обязан это сделать, зарегистрировал рождение своего сына 22 апреля, вместо 15 февраля. Он не внес имя сына таким, каким оно было дано ему в синагоге при обрезании, т. е. Исаак Левий, но записал: «Леон, сын Лазаря Розенберга». Эта дата стала официальным днем рождения Леона, она указана во всех его документах.

Третий день рождения пришел позже, уже в 20-летнем возрасте, когда Леон был выпускником раввинской семинарии. Это новое рождение произошло тогда, когда Леон обратился ко Христу и принял Его как своего Спасителя и Господа. Об этом рождении свыше Иисус говорил иудейскому начальнику (учителю, как называл его Иисус) Никодиму в Евангелии от Иоанна: «...Должно вам родиться свыше» (3:7).

Новая регистрация не отражалась в записях еврейской синагоги, и занесенное туда имя оставалось неизменным, как и имя Исаак Левий, данное Леону во время священного обряда введения его в завет Авраама. В записях синагоги он значился как «Исаак Левий, сын Елеазара священника». В ортодоксальных синагогах фамилии тогда не упоминались. Евреи чуждались тех светских фамилий, которые гражданские власти давали им, а синагоги совершенно их игнорировали. Во-первых, светские фамилии были новшеством в их истории. Во-вторых, евреи считали, что указание фамилии нарушает их религиозные права, отличные от других народов. Как известно, семейные связи в Израиле строго регламентировались законом Моисея, гласившим, что Израиль должен оставаться особым народом, избранным

Богом. Имена, которые евреи давали своим детям, имели обычно библейское происхождение и были нераздельно связаны с именем отца.

Так продолжалось многие поколения, пока австрийский император, пожелавший пополнить свою казну, не издал указ о том, что каждый еврей в его владении обязан купить себе фамилию из предложенных ему сборщиками податей. Эти фамилии брались из названий растений, минералов и животных. Вот почему мы так часто встречаем среди евреев фамилии, основанные на таких немецких словах, как кот, пес, теленок, корова, вол, медведь, волк, лев, серебро, золото, бриллиант, камень, кузнец, портной, плотник. Все эти фамилии были, конечно, переложены на идиш. Фамилиями, взятыми от названий растений или их частей, были такие, как Блюм, Баум, Цвейг, Грюн, Розен. Нередко они сочетались с другими словами, например: Бирнбаум (грушевое дерево), Розенберг (гора роз), Розенталь (долина роз), Розенфельд (поле роз) и т. д. Фамилиями, образованными от названий животных или минералов, были, например: Вольф (волк), Фогель (птица), Левен (лев), Кальб (теленок), Фукс (лисица), Зильберштейн (серебряный камень), Гольдштейн (золотой камень) и т. д.

Однако, как я уже написала, в синагоге еврейская идентификация оставалась прежней, как в Библии: «Моисей, сын Авраама», «Давид, сын Иессея» и т. д. Следуя этому правилу, молодой Леон никогда не был известен в синагоге как Розенберг. Когда в субботу или во время праздников молодого человека приглашали читать текст из Торы, его называли тем именем, которое было дано ему во время обрезания, а именно: Ицхак бен Елеазар ха-Коган, т. е. Исаак, сын Елеазара священника.

Обрезание

По сей день обряд обрезания строго соблюдается ортодоксальными и неортодоксальными евреями во всем мире. По этому признаку нацисты во время Второй мировой войны легко и безошибочно опознавали евреев даже тогда, когда ни внешность, ни фамилия не выдавали их еврейства. На восьмой день после рождения мальчикам обрезают крайнюю плоть по предписанию книги Бытия (17:9-13). Этот обряд был заветом Бога с Авраамом, и никакой еврей не мог рассчитывать на звание потомка Авраама и участника его завета с Богом без совершения над ним обряда обрезания. Во время этой процедуры раввин или его помощник, мохель, который производил эту операцию, говорил: «Имя этого ребенка в Израиле будет...» – и называл имя, которое родители заранее приготовили для своего ребенка. Согласно раввинской традиции, вся эта церемония была совершена, в присутствии молящейся общины, над маленьким Исааком Левием, сыном Елеазара.

В строго ортодоксальных раввинских кругах пророка Илию считают хранителем Святого Закона и, веря, что он присутствует на этой церемонии, ставят для него кресло или скамью, которая так и называется – скамья Илии, по-еврейски «Киссе Шел Элияху». На этой скамье обычно сидит раввин, который держит ребенка во время процедуры обрезания. В отсутствии раввина, эта почетная роль может быть предоставлена другому лицу. Во время процедуры обрезания нараспев произносится молитва: «Блажен Ты, наш Господь и Бог, освятивший нас и давший нам заповедь обрезания». После церемонии отец ребенка прославляет Бога за дарованную ему привилегию ввести дитя в завет отца Авраама. Собрание отвечает молитвой за ребенка, чтобы «он возрос и вступил в закон брачного шатра и добрых дел».

Во время помазания произносится другая молитва – о пришествии Царя Мессии, послании Помазанника во всем Его достоинстве для возвещения Своему рассеянному народу Благой вести примирения. Эта молитва заканчивается словами: «Всеблагой, пошли нам праведного Первосвященника, Который остается удержанным в потаенном месте Неба и сокрытым до тех пор, пока Его яркий, как солнце, и блистающий, как бриллиант, престол будет приготовлен для Него». Во время этой торжественной церемонии отец Леона Елеазар

и мать Гали посвящали своего первенца Богу в молитве, прося, чтобы он был «Годель б'Израэль» – «великий муж среди Израиля».

Родившись в семье священника, маленький Исаак Левий, по велению Бога, не подвергался «Пидион хабен» – выкупу первенцев. Дети священников освящаются для Бога особым образом, а все остальные еврейские первенцы подлежат выкупу за пять серебряных сиклей, как предписано в книге Чисел (3:11–13, 45–50). Бог сказал, что все первенцы принадлежат Ему, потому что они были пощажены в Египте под защитой крови пасхальных агнцев.

Выкуп первенцев должен был совершать священник, признанный таковым всем израильским обществом. Эта процедура была тогда и остается поныне торжественной и священной. Когда мальчику исполняется месяц, отец должен представить его священнику. Отец и мать свидетельствуют, что ребенок – их первенец, затем из Священного Писания читается Божье постановление о выкупе первенцев, и отцу задается вопрос, готов ли он, согласно Божьему постановлению, уплатить цену выкупа за ребенка. Отец торжественно отвечает: «Да, я готов исполнить повеление Святого Бога, благословенно имя Его! Я желаю уплатить цену выкупа монетой, которая в обиходе святилища» (или ее современным эквивалентом). На это священник отвечает: «Я беру эти деньги вместо вашего сына. Это его замена. Это цена освобождения. Да войдет это дитя в жизнь и в закон страха Господня».

Еврейская школа

Маленький Леон начал свое образование с изучения еврейского языка. Как я уже писала, первенцы раввинов должны были тоже стать раввинами, а потому их обучение началось с изучения священного языка, по-еврейски – Лош ха-Кодеш (древнееврейским языком тогда не пользовались как обиходным). К трем годам Леон должен был знать первые молитвы по-еврейски, поскольку, по преданию раввинов, в этом возрасте Авраам пришел к познанию живого Бога. Из этого следовало, что религиозное просвещение детей нужно начинать как можно раньше.

Первый класс в еврейской начальной школе считался «закладывающим фундамент». От того, что учащийся усваивал, зависело продолжение или прекращение его подготовки к раввинскому служению. Сознвая свою ответственность перед Богом, наставник (меламед тинокет), как правило, относился к своей профессии очень серьезно, следил за доверенными ему малышами и добивался максимума прогресса в отведенный для него короткий срок. Он заботился о каждом ученике индивидуально, понимая, что на него возложена почетная обязанность подготовки будущих раввинов. В первые несколько дней обучения учитель обычно пользовался указкой, обращая внимание на формы букв алфавита. Для закрепления знаний ученики должны были читать вслух. Последующее обучение в раввинской семинарии (Бет ха-Мидраш) требовало от учеников настоящей эрудиции и высоких умственных способностей.

Веря в библейский метод обучения, учитель Леона следовал совету Соломона и не «щадил розги», считая, что ее применение служит доказательством любви к ребенку: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Прит. 13:24). Его розгой был ремень, применение которого заставляло малышей слушаться и прилежно учиться. Со словами: «вы должны знать это» учитель быстрыми темпами и в короткий срок добивался значительных успехов.

Родители Леона поощряли и поддерживали религиозное образование сына, знакомили его со всеми ритуалами, церемониями и праздниками. Они с восхищением следили за его успехами, побуждая мальчика повторять утренние и вечерние молитвы только по-еврейски. Его первой молитвой по утрам была хвала: «Славлю Тебя, живой и вечный Царь, что Ты возвратил мне душу только по Твоей великой милости и обилию верности. Да будет Тебе

угодно не допустить, чтобы я даже на минуту впал в Твою немилость». Перед сном произносила другая молитва: «Благословен Ты, Господь наш и Бог, Царь Вселенной, смыкающий дремотой и сном веки моих глаз. Да будет в Твоей воле, о Господь, мой Бог и Бог отцов моих, дать мне спокойно лечь и встать. Да не смущают меня тревожные мысли и неприятные сны, ни злые помыслы, но да будет покой мой совершенным пред Тобой. Облегчи глаза мои, да не усну я сном смертным, ибо Ты, Господи, в славе Своей даешь свет всему миру, Боже, верный Царь. Слушай Израиль, наш Бог есть Бог единый. Благословенно имя Его и Царство Его во веки и веки. Во имя Господа, Бога Израилева, пусть будет Ангел Михаил с моей правой стороны, и Ангел Гавриил с моей левой стороны, Уриэль впереди и Рафаэль сзади, а надо мною – Божественное Присутствие Славы Божьей (Шхина)».

Изучать Священное Писание и обращаться в молитве к Богу можно было только на древнееврейском языке. Считая греческий языческим, израильские книжники и переписчики Писания отвергли не только Септуагинту⁴, но и все другие еврейские религиозные Писания, переведенные на этот язык, считая их недостоверными. Религиозные евреи признавали только три текста, которыми и пользуются по сей день, – так называемые Таргумы⁵.

Многие евреи, бежавшие из Иудеи в Александрию и Египет после осады Святой Земли царем Навуходоносором, стали последователями Филона Александрийского⁶. Забыв еврейский, они начали пользоваться греческим языком, поэтому им понадобился греческий перевод Священного Писания. Палестинские евреи презирали их за это и прозвали греками, т. е. эллинами. Однако тем из них, кто по возвращении в Палестину восстановил еврейский язык, было разрешено вступать в синагоги на равных правах с другими евреями. Это были эллинисты, о которых говорится в Новом Завете и которых апостол Павел встречал в разных местах в синагогах. Вместе с другими евреями они принимали участие в богослужениях. Обладая широкими взглядами и терпимостью, эллинисты охотно слушали проповеди Евангелия. Вполне очевидно, что они не были просто греками, которые никогда бы не пришли на богослужение в еврейское место поклонения.

Цитцит и ермолка

В одежде ортодоксальных евреев есть два предмета, которые обязаны носить все мужчины от мала до велика. Первая называется арба-канфот (что значит «четыре угла») с кистями из белой и голубой шерсти на каждом углу (цитцит). Эта своеобразная «рубашка» носится прямо на теле и покрывает грудь и плечи. Ее носят во исполнение Божьего постановления, данного Моисею в Книге Чисел (15:37–41). Назначение этой части одежды – напоминать носящему ее о верности заповедям и постановлениям Господа. Раввины превратили ее также в предмет защиты от злых духов. Вторая, неизменная часть туалета ортодоксального еврея – это хютель (уменьшительное от немецкого Hut, т. е. шляпа, шапочка), или ермолка (тоже мягкая шапочка). Для постоянного ношения ермолки были две причины: во-первых,

⁴ Септуагинта (LXX) – греческий перевод Ветхого Завета, появившийся в III веке до Р.Х. в Египте. Своё название (греч. «семьдесят») получил от легенды, по которой этот труд осуществили 72 мудреца. Сохранились исторические сведения о работе 72 ученых над переводом Пятикнижия. Септуагинта стала основополагающим текстом Ветхого Завета в христианской Церкви в первые века христианства.

⁵ Таргумы (евр. «перевод») – арамейские переводы (местами переложения) Ветхого Завета. Различают «Таргум Онкелос» (по имени приписываемого автора) и «Галилейский таргум» (на галилейском диалекте), представленный двумя рукописями: Иерусалимский Таргум I (Таргум Ионатана бен Узиэля или Псевдо-Ионатан) и Иерусалимский Таргум II («Отрывочный Таргум»).

⁶ Филон Александрийский (ок. 25 до Р.Х. – ок. 50 по Р.Х.) – выдающийся иудейско-эллинистический религиозный философ и богослов. В своих текстах соединял иудаизм с греческой философией, прежде всего стоическим платонизмом. Своим аллегорическим методом толкования Священного Писания оказал сильное влияние на становление христианской экзегетики первых веков христианства, а также на средневековую культуру.

еврей должен всегда отличаться по своей одежде от других народов и, согласно заповеди, «не ходить путями язычников». Во-вторых, чтобы отличаться от язычников, которые молятся с непокрытой головой, еврей должен молиться с покрытой. Во 2-й книге Царств (15:30–32) говорится о том, что покрытие головы также служит знаком траура. Здесь Давид представлен во время траура по причине посягательства на престол и мятежного восстания против него собственного сына – Авессалома. Верные последователи Давида покрыли свои головы, и поэтому нынешние евреи, потерявшие царство и храм, гонимые всеми народами, остаются в трауре до тех пор, пока Бог не восстановит их прежнее положение. На ночь, ради удобства, еврей надевает мягкую белую шапочку.

Мезуза

С самого раннего детства внимание Леона привлекала мезуза на дверях его дома и домов всех его еврейских соседей. Ее прибавляли к дверной раме во исполнение повеления во Второзаконии: «...И напиши их (Божьи заповеди. – Авт.) на косяках дома твоего и на воротах твоих» (6:9). В соответствии с раввинским толкованием этого повеления, каждый еврейский дом должен иметь на дверной раме филактерий. Этот филактерий на косяке назывался мезузой и был маленьким, узеньким ящичком, внутри которого хранился пергаментный свиточек с написанным на нем текстом из книги Второзакония 4–7, начинавшимся словами: «Слушай, Израиль...» (Шма Исраэль). Этот текст был написан четким почерком признанного, синагогального писца (софера), чтобы священный текст, помещенный в металлическую коробочку, не искажался, и буква «шин» – v (первая буква одного из имен Бога – Эль Шаддай – Всемогуший) виднелась сквозь малюсенькое отверстие мезузы. Приготовленная таким образом и освященная старшим раввином мезуза прибавалась к правой дверной раме, вертикально на уровне глаз.

Входя и выходя из дома, старые и молодые его жильцы прикасались к мезузе и целовали потом палец, которым прикасались к букве «шин». Этим жестом они применяли к себе лично слова: «Благословен ты привходе твоём, и благословен ты при выходе твоём» (Втор. 28:6) и из Псалма: «Господь будет охранять вхождение твое... отныне и вовек» (120:8). Этот обычай практикуется и сегодня повсюду, где живут евреи, особенно в Израиле.

Мезуза означает Божью защиту. В одном из самых ранних писаний раввинов, так называемой «Мехилте»⁷, говорится о помещении мезузы на дверной раме в память о крови пасхального агнца, которой евреи мазали косяки своих дверей в Египте в ночь избавления их первородных сыновей от ангела смерти, проходившего по стране. Однако из-за частого повторения имени Господа при касании мезузы она иногда воспринимается у евреев как мистический амулет.

Ханукка – праздник посвящения

Народные праздники и священные дни были настолько точно предписаны и истолкованы, что не могли не оставить глубокого следа на впечатлительном сердце маленького Леона. Раз в году на подоконнике самого большого окна, выходившего на улицу, ставили специальный восьмисвечник, и в течение восьми дней зажигали масло в чашечках на его веточках, по одной чашечке каждый вечер, пока в конце концов не горели все восемь, освещающая гостиную и бросающая яркую полосу света на улицу. Со временем евреи заменили светильники с чашечками для масла простыми восьмисвечниками. При свете светильника пелись торжественные гимны, прежде всего так называемый «Моуц Цур Иесимети». Затем читали

⁷ Мехилта (евр. «мера») – название двух мидрашей Гемары на книгу Исход, II–III вв. По Р.Х.

историю об Антиохе Епифане IV, тиране из династии Селевкидов, осквернившем святой Храм, и о том, как всемогущий Бог даровал победу ревностным братьям Маккавеям, сыновьям священника Маттафии, которым удалось превозмочь врагов и очистить, заново освятить Храм. Святильник с чашечками для масла (или свечами) напоминал о чуде, которое тогда произошло в Храме, чуде, благодаря которому священники смогли вновь зажечь золотой святильник.

Святильник считался священным, его нельзя было осквернять использованием в хозяйственных целях. Он был предназначен исключительно для служения Богу и памяти о том великом чуде, которое Он совершил в древности для Своего народа, когда Бог указал священникам на запечатанный сосуд, полный священного елея. Сосуд хранился в потаенном месте святилища. Врагу не удалось найти и осквернить его, зато после освобождения Храма священники смогли зажечь золотой святильник, который горел непрерывно в течение восьми дней праздника посвящения (обновления), хотя масла в нем было достаточно лишь на один день. Об этом празднике упоминается в Евангелии от Иоанна (10:22).

Пурим

Событие, описанное в Книге Есфирь, было с детства знакомо Леону Розенбергу. Он знал о чудесном избавлении евреев от руки злого Амана, но во дни праздников радовало не древнее избавление, а сам праздник Пурим, полный игр, веселья, танцев и переодевания. Во время этого праздника пелись хвалебные и благодарственные псалмы Богу за дарованную когда-то победу. В память об этом событии люди обменивались подарками, и в знак всеобщей дружбы и радости, по древнему обычаю, благодотворили бедным, вдовам и сиротам (Есф. 9:22–23).

Лаг Б'Омер

Этот день был отделен для празднования наступления весны на полях, за городом, и был особенно любим молодежью. В этот день вспоминали также о Святой Земле и Святом Иерусалиме, о времени, когда израильтяне, будучи земледельцами, сеяли, жали и собирали плоды садов и виноградников. Согласно Священному Писанию, в утро после Пасхи самые ранние плоды и первые колоски должны быть принесены в жертву Богу в храме. С этого дня израильтяне должны были точно считать дни в течение семи недель до дня жатвы первых плодов, когда они совершали в храме праздник седмиц (недель), по-еврейски Швуот (Исх. 34:22).

Сегодня, когда евреи опять могут собирать урожаи в государстве Израиль, этот праздник приобрел новое значение. В Лаг Б'Омер, или 33-й день, молодежь совершает далекие экскурсии за город. Учителя и ученики начальных школ и раввинских семинарий уходят на поля, чтобы играть там в разные игры с помощью самодельных луков и стрел, деревянных пил, символизирующих древние армии израильских царей. Эта затея всегда нравилась угнетенной и презираемой окружающими еврейской молодежи, поскольку направляла мысли на воспоминания о славном прошлом Израиля.

Суббота

Еженедельное празднование ветхозаветной субботы строго соблюдалось в доме Леона Розенберга. Это был не просто день отдыха и поклонения Богу, но и день тесного, теплого семейного общения. Все приготовления к святой субботе должны были быть закончены до заката солнца. Пища для субботнего стола сохранялась теплой в специальных, заранее нагретых

тых и герметично закрытых печах до следующего дня. Топить печи в субботу не разрешалось (Исх. 16:23; Числ. 15:32). Для субботних завтраков, обедов и ужинов готовилась самая лучшая и вкусная пища, причем даже беднейшие еврейские семьи не были исключением из этого правила.

Замужняя еврейская женщина (обычно жена хозяина дома) зажигала субботние свечи. Это одно из трех постановлений, касающихся женщин, между тем как мужчины (женатые и холостые) должны были строго соблюдать весь закон, содержащий не менее 613 постановлений о том, что можно и что нельзя делать*.

Мать Леона Гали обычно освящала свои свечи задолго до заката солнца, используя самые крупные, чтобы их хватило на весь вечер. Леон любил смотреть, как она делает над ними круги руками, желая дать им свое полное благословение, одновременно молясь Богу о просвещении. Затем она молилась о своей семье и своем народе.

Раввины придавали соблюдению субботы большое значение. Как тогда, так и в наши дни суббота праздновалась как царица, или невеста, со специальным порядком поклонения и молитвами. Один из гимнов, который и сегодня поется в субботний вечер в синагогах, называется «Леха-Доди». Он написан раввином Шломо Халеви Алкабездом в 1540 г. и переложен на более чем тысячу мелодий в синагогах и еврейских домах по всему миру.

Возвращаясь с отцом домой из синагоги, Леон ощущал присутствие невидимых святых ангелов, посланников неба, посланных Богом для участия в праздновании субботы. По тогдашнему обычаю, отец и сын приветствовали их пением «Шалом Алейхем»: «Мир вам, ангелы мира, служебные духи всевышнего Царя царей! Святый Боже, благослови нас Твоим миром...» На почетном месте празднично накрытого стола ставились два очень важных символа: хлеб и вино. Специальный хлеб, выпеченный из муки высшего качества, готовили дома или брали в пекарне. На стол клали два таких хлеба, накрывая их белоснежными салфетками. Они представляли два рода хлебов (Лехем ха-Паним) – хлебов предложения в святилище, полагаемых пред лицом Божиим каждую субботу (Исх. 25:30; Левит 24:5–9). При хлебе всегда было вино, приготовленное из неперебродивших изюмин. Субботний хлеб-хала плетется в одну косу из трех полосок теста, но, испеченный, он составляет один хлеб. Существовал обычай приглашать к субботнему столу странников и бедных, которые, по разным причинам, не могли провести этот благословенный праздник со своими семьями.

Первой церемонией в пятницу, с закатом солнца, т. е. наступлением субботы, было благословение чаши (Киддуш), при котором вспоминали последний акт творения и установления субботы и читался текст Писания (Быт. 2:1–3). Текст повторяли мужчины семьи за каждой едой, поднимая бокал с вином.

После традиционного омовения рук отец поднимал хлебы и благодарил Бога. Затем простой хлеб, приготовленный для еды на ужин, разделяли между членами семьи. Во время еды пели песни хвалы и воспоминания Иерусалима и Царя Мессии. Приглашенные гости делились своими переживаниями и радостями, придавая празднованию субботы неформальный характер. Каждое принятие пищи в субботу освящалось пением «Аткеину Саидата», представляющим Бога в трех ипостасях: за первой трапезой («Аткина Кадиша») – как Ветхого днями (Дан. 7:13); за второй трапезой («Заир Анпин») – Славу Шхины, как видимого Божоявления; за третьей трапезой пелась песнь хвалы имени «Кахал Тапучин», или «Мелха ха-Машиха» (Царю Мессии). Третье, последнее принятие пищи в субботу, так называемое «Шлоа Сеуда», заканчивалось церемонией «Хавдала» (отделение), потому что после этой еды наступало отделение святой субботы от остальных дней недели⁸. Этому раввины тоже придавали особое значение, которое строго соблюдалось в семье Леона.

⁸ Речь идет о ритуале отделения, освящения субботы – это молитвенное провозглашение священного и непреходящего статуса субботы, дарованной Богом.

Принято было делить пищу с представителями того сословия, к которому принадлежал отец Леона. Все приносили продукты со своих семейных столов, делили пищу друг с другом и слушали рассказы раввинов. Будучи священником, отец Леона тоже произносил речи за этими трапезами. После такого общего застолья скатерть убирали со стола и кубок наполняли до краев вином, выражая благодарность Богу за обильные благословения словами из Псалма: «...Чаша моя преисполнена» (22:5). Стоя с поднятым бокалом в руке, отец Леона произносил слова из книги пророка Исаии: «Вот Бог – спасение мое: уповаю на Него, и не боюсь; ибо Господь – сила моя, и пение мое – Господь; и Он был мне во спасение» (12:2). Это благословение произносилось при зажженной свече, что само по себе тоже имело мистическое значение. Свеча была сплетена из трех разноцветных полосок парафина: синей, красной и белой. При горении три цвета сливались в один. Маленький мальчик чувствовал себя польщенным, когда ему разрешали держать зажженную свечу Хавдала, и ему было приятно смотреть на то, как три цвета сливались в одно яркое пламя.

Как мы уже сказали выше, третье пение за последней субботней трапезой было посвящено Мессии – «Давид Мелха ха-Машиах». Затем отец пел торжественно, в минорном тоне, гимн «Бене Ха-хло»: «Находящиеся во внутреннем дворе и желающие увидеть «Заир Анпин», смотрите на эти символы, как на явление лика Царя».

После этого все пели еще один гимн, на этот раз в честь пророка Илии, с вопросом к нему: «Скоро ли придет к нам Мессия, Сын Давидов?»

Друзья собирались, чтобы попрощаться с царицей-субботой и с «Нешама Етера» – лишней душой. Мистики верят, что Бог посылает Своим верным на время субботы «добавочную душу» для соблюдения этого дня предписанным образом.

Суккот

Другим приятным временем в праздничном цикле семи еврейских праздников было соблюдение праздника кущей. В согласии с постановлением (Левит 23:42–45), каждый еврей должен был построить себе шалаш для проведения в нем одной недели. Делалось это в память о странствовании израильтян по пустыне после их избавления из Египта.

Леон с большим удовольствием присоединялся к отцу. Шалаш был красиво украшен и служил приятной переменой в обычном течении жизни. Последний день этого праздника – «Симхат Тора» – посвящался прославлению Божьего Закона и был действительно радостным днем для стариков и молодых. Старики радовались, что могли весь год отмечать субботы и читать отрывки из Закона, а когда заканчивалось чтение последнего отрывка, они могли свернуть свиток обратно к началу, к книге Бытия, чтобы потом снова начинать читать святой Закон.

Праздник всегда отмечался торжественным шествием в синагоги, где свитки Закона вынимали из ковчегов и несли над толпой у всех на виду. Присутствующие, от мало до велика, считали честью нести свиток Торы, а мальчики несли хоругви и транспаранты с горящими свечами на древках. Молитвы произносили нараспев, буквально разыгрывая сцену, когда царь Давид принес ковчег завета домой и танцевал от радости перед ним (1 Пар. 16:28–29). Этот праздник резко отличался от предыдущих, серьезных и торжественных, сопровождавшихся плачем и постом, – Нового года и Дня искупления.

Пасха

Более всех других праздничных дней Леон любил пасхальную неделю, полную радостного волнения, когда все в доме переворачивалось вверх дном для тщательной уборки и церемониального омовения. К 14-му числу месяца Нисана дом нужно было очистить от при-

сутствия даже самых мелких крошек квасного хлеба, после чего в течение семи дней в доме мог оставаться только пресный хлеб (Исх. 12:19–20).

Во время праздника вся семья должна была надевать новую одежду и обувь, все в доме, включая пищу и посуду, было необычным. Из тщательно отобранной пшеничной муки, только на воде и без соли, евреи пекли пресный хлеб мацот (мацу). Пшеница для этой муки, от дня ее уборки с полей и в течение всего процесса помола, охранялась от всяких примесей. Даже вода для теста была необычной, родниковой, и тоже тщательно охранялась от всяких загрязнений. Любая, даже микроскопическая примесь оскверняла чистоту продукта. Мацот пекли в специальных печах или пекарнях, где обычно выпекали сдобный хлеб, но только после очищения этих печей раскаленным докрасна огнем.

Отец был одет в белоснежную одежду, на голове у него была вышитая или бархатная ермолка. На столе перед ним стояла особая, пасхальная трехэтажная тарелка с тремя лепешками пресной мацы – Мацот Шмура, испеченными мужчинами-хасидами, строго соблюдавшими все приготовления. Их покрывали чистыми салфетками. На отдельное блюдо клали другие пять символов: баранью косточку, крутое яйцо, горькие травы (хрен), петрушку и харозет – смесь из раскрошенного миндаля и других орехов с вином, чтобы было похоже на мокрую глину. Мисочка с соленой водой ставилась в центре этого блюда или перед ним. Все эти символы служили напоминанием о пережитом Израилем в Египте, включая ночь поспешного и чудесного избавления и перехода через соленые воды Чермного моря.

Причина, почему евреи сегодня не едят пасхального ягненка, как это было когда-то в Египте, но ставят на стол его символ (голенную косточку), кроется в повелении: «И заколай Пасху Господу, Богу твоему, из мелкого и крупного скота на месте, которое изберет Господь, чтобы пребывало там имя Его... Не можешь ты заколоть Пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе; но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, заколай Пасху вечером при заходе солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта...» (Втор. 16:2, 5–6). Поэтому голенная (от слова голень) косточка – это только напоминание, символ Пасхального Агнца. Также яйцо – символ «Корбан Хагига», обычного праздничного приношения, приносить которое вне святилища тоже было запрещено Богом. Эти два памятных символа служат только напоминанием и не едят, как всё другое.

Во время седера (пасхального ужина) Леон должен был задать своему отцу четыре вопроса. Хотя обычно еврейским детям не разрешалось задавать вопросы, для данного случая делалось исключение. «И когда скажут вам дети ваши: что это за служение? скажите: это пасхальная жертва Господу, Который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал Египтян, и дома наши избавил» (Исх. 12:26–27). В ответ на эти четыре вопроса, которые относились ко всему празднику Пасхи и связанным с ним процедурам, отец читал историю о чудесном избавлении израильского народа и его исходе из страны рабства, из Египта. Леону хотелось услышать всю историю из Слова Божьего, но раввины предписывали рассказывать ее с большими подробностями, что было весьма утомительно для маленького мальчика, который был к тому времени голодным и сонным. Но выхода не было, и ему снова и снова приходилось выслушивать все до конца, пока маме, наконец, разрешили подавать праздничный ужин.

Одна процедура пасхального вечера всегда пугала Леона. В определенный момент отец вдруг открывал двери, и все поворачивали головы в ожидании появления пророка Илии, для которого в центре праздничного стола был приготовлен бокал вина. Это была самая многозначительная и торжественная часть пасхального ужина. Будучи ребенком, Леон не вполне понимал значение этого необыкновенного вечера, но, повзрослев, он понял символику пасхального ужина. В частности, открытые для пророка Илии двери указывали на пришествие Избавителя Израиля – Мессии. Он запомнил слова отца о том, что это особенная ночь: «Это

– ночь бдения Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь – бдение Господу у всех сынов Израилевых в роды их» (Исх. 12:42).

Леон дорожил еврейской традицией, согласно которой по сей день в определенный момент пасхального ужина все ожидают появления Илии, вечно живого пророка, предвестника Мессии. По сей день в его честь принято наполнять вином специальный кубок – кубок Илии, украшенный резьбой, изображающей разные сцены из его жизни, как, например, случай, когда он воскресил сына вдовы, бесстрашно обличил царя Ахава (3 Цар. 17:22; 18:17 и далее). Предание гласит: пока бокал наполнен, двери открываются без страха, чтобы впустить пророка исполнения. И не это ли ночь ожидания Господа?

Страх перед крестом

Леон, еврейский мальчик, рос в постоянном страхе перед крестом. Он избегал любых контактов с христианами. Так называемые «христиане» из его окружения не влияли на него положительно и ничем не привлекали к себе. Как правило, жившие вокруг Леона неевреи были враждебно настроены против евреев. Нееврейские мальчики при встречах толкали и били еврейских детей. Из выходявшего на улицу окна родительского дома Леон видел огромное распятие, которое для него было символом страха и трепета. В воскресные и праздничные дни, когда крестьяне из окрестных деревень приходили в город, они сперва собирались вокруг распятия на перекрестке, кланяясь и молясь перед ним нараспев, и горе было тому еврею, который попадался на их пути в это время.

Не раз бывало, что по дороге домой из школы Леону приходилось терпеть нападки какого-нибудь «христианина», молившегося у распятия. После нескольких таких нападений он обратился со своим детским горем к родителям, но получил от них такой ответ: «Дитя, мы ничего не можем сделать. Мы – евреи в изгнании и находимся в руках необрезанных. Язычники всегда преследовали евреев, потому что мы другие и верим в живого Бога». И тогда родители рассказали Леону о крестоносцах, о гонениях и мученичестве, и об ужасной лжи, возводимой на евреев христианами, вроде того, что «на свою Пасху евреи примешивают в мацу кровь христиан» или «ловят нееврейских детей для жертвоприношений». В результате этих злостных слухов многие евреи гибли в погромах именно во время празднования христианской Пасхи.

Сердечко Леона ныло от страха и боли от этих рассказов, потому что он знал, что пасхальный хлеб готовили со щепетильной заботой именно о чистоте ингредиентов теста. Он знал о том, каким строгим был закон в отношении употребления в пищу любого вида крови (Левит 7:26–37; 17:10–14). Когда Леон спросил: «За что же другие народы так преследуют евреев?», – он так и не получил ответа, но родители предупредили его, чтобы он держался подальше от распятия у дороги и вообще от христиан.

Детская шалость

Уроки, которым Леон был так прилежно посвящен, утомляли мальчика. Живой и подвижный, он ощущал потребность хотя бы в малой доле свободы. Монотонность сидения в душном классе иногда удручала его. Слишком мало времени оставалось для того, чтобы «подышать свободно», как говорили его соученики. Праздники тоже не были похожи на каникулы. Богослужения в синагоге с монотонными, нараспев, длинными молитвами требовали много времени. Единственным, что доставляло удовольствие, была праздничная пища, приготовленная ласковыми руками матери Леона и принимаемая в тесном семейном кругу. Но между едой и долгими службами в синагоге по субботам были еще другие религиозные

праздники и занятия, вроде заучивания наизусть Псалмов, изучения «Пирке Авод»⁹ и Песни Песней, а также обязательного и довольно частого посещения родственников.

Однажды что-то случилось с учителем, и занятия прекратились на весь остаток дня. Вместе с другими, такими же живыми, как он, мальчиками Леон решил использовать свободное время на шалости. В числе разных игр, в которые они обычно играли, была игра, называемая «лошадиные гонки». Трое ребят взяли за руки и помчались по улице наперегонки с тремя другими ребятами, но по пути, со всего разгона, налетели на старушку, сбив ее с ног и поранив. Об этом неприятном происшествии было доложено директору школы. В острастку другим, учитель назначил суровое наказание Леону как зачинщику-проказнику. Его переодели в «гусара», закатали одежду до плеч, как солдатский мешок, а на голову надели шапку из картона. В таком виде он должен был пройти «сквозь строй», а его соученики «не щадили розги». Правда, потом и они получили свою порцию наказания.

Детство Леона не было светлым и радостным. У него совсем не оставалось времени для беззаботных игр и развлечений, свойственных нееврейским мальчикам его возраста. С самого раннего детства бремя раввинского закона легло на его тщедушные плечики. «Не радуйся, Израиль, до восторга, как другие народы...» – эти слова из книги пророка Осии (9:1) относились и к детям. Поэтому Леона воспитывали «в страхе Господнем», но не в смысле благоговения перед Ним, а именно в боязни Его.

Подготовительные занятия

Подготовительные занятия по еврейскому языку продвигались с огромной быстротой. Первый этап был пройден Леоном в рекордный срок, и он научился бегло читать по-еврейски. Он был переведен на высший курс и стал студентом Святой Торы (Пятикнижия Моисеева). Леон считался смышленным учеником, с хорошо развитыми умственными способностями, так что на этом уровне он избежал ударов учительской плетки.

Изучение Священного Писания начиналось не с первой его книги, Бытия, а с третьей книги – Левит (Тора Коханим). Сперва Леон должен был познакомиться со служением священников, каким оно было когда-то во святилище. Родители радостно ожидали начала этого курса, да и сам Леон был доволен собой. В его честь был устроен домашний праздник – с приглашением друзей и преподнесением подарков за прошлые успехи. Похвала и поощрение стимулировали гордость в сердце «героя» дня и усиливали его рвение в дальнейшем состязании с мальчиками средней школы.

Теперь Леон должен был проводить в школе все часы, с самого раннего утра и до позднего вечера. Еду ему приносили или присылали прямо в школу. Для вечерних часов родители снабжали учителей свечами, которые в то время были сальными, что в общем-то было выгодно усталым мальчикам. Они всеми силами старались укоротить срок их горения. Иногда ребята подсыпали в них немного песку вокруг фитиля, и свеча начинала капать.

Учителя были особенно строги в своих требованиях к Леону в области заучивания наизусть. Зубрежке, казалось, не было конца. «Никто не знает, что может случиться с нашим народом в окружении врагов, – говорили учителя. – Нам опять могут запретить изучение священных книг, как уже не раз бывало в прошлом, так что необходимо заучивать их наизусть, чтобы Израиль не забыл Божий Закон». Воспоминания о первых годах учебы, о холодных и даже морозных днях, долгих зимних вечерах с бураном за окном на обледенелых улицах, навсегда остались в памяти Леона.

⁹ «Пирке Авод» – талмудический трактат с изречениями раввинов II–IV вв.

Самоуважение

Отец Леона, Елеазар, был очень строгим к себе и аскетичным, что у еврейских священников считалось признаком благочестия. В жизни своего первенца он не терпел упущений, на которые другие родители могли бы не обратить внимания. Елеазар всегда подчеркивал важность уважения к себе, говоря: «Никогда не забывай, чей ты сын, и того высокого призвания, которому ты себя посвятил». Такие постоянные напоминания были не всегда приятными, но предупредительными мерами, и в будущем Леон не раз оценил строгость своего отца.

Мать Леона, Гали, в противовес отцу, была мягкой, снисходительной и ласковой к своему любимцу. Когда отец бывал слишком строг, она, с огромным тактом, выступала в роли ангела-хранителя своего малыша, и это успокаивало и утешало Леона. Влияние матери было очень сильным в жизни мальчика. Она помогала ему во всем, чтобы он глубоко познал духовные истины Священного Писания.

После Леона в семье родились еще пятеро детей – три мальчика и две девочки, но один мальчик умер очень рано.

Первая и последняя сигарета

Курение заразительно среди еврейской молодежи всех классов. Они учились этому от своих отцов и дедов и даже от учителей и раввинов, которые курили не только дома, но и в синагогах. В раввинских семинариях студенты видели, как деканы курили папиросы или трубки. И даже знаменитые цадики занимались тем же. Не удивительно, что еврейский мальчик рано становился рабом этой гнусной привычки.

Леон тоже соблазнился начать курить, потому что хотел стать «взрослым мужчиной». Товарищи по школе внушали ему, что он не будет «мужчиной», пока не начнет курить. Он завидовал ребятам, которые быстро научились втягивать дым в легкие, а потом выпускать его через ноздри или рот, да еще кольцами! Но как только он сам впервые попробовал сделать то же самое, он позеленел, и его ужасно затошнило. Отбросив сигарету подальше от себя, Леон никогда больше во всю свою жизнь не прикасался к табаку.

Глава 2

Больше обязанностей, опасений и вопросов

Бар Мицва

Важной вехой на пути Леона был день, когда он в тринадцать лет, как все другие еврейские мальчики, стал «сыном заповедей» и начал сам исполнять свой религиозный долг и обязанности. Обрезание, которому подвергаются все еврейские мальчики, дарует им только привилегию вступления в завет Авраама, в который Бог вступил с патриархом задолго до появления Закона.

Поскольку обязанности по отношению к Божиим заповедям весьма важны, Леону пришлось пройти соответствующую подготовку, чтобы, закончив курс наставлений, он сам мог признать авторитет Святой Торы. Тринадцатилетний возраст, установленный раввинами как возраст духовной зрелости¹⁰, соответствует числу статей (13) в религиозном кредо, красноречиво выраженном Даниилом Бен Иудой в поэме «Ягдал». Эта поэма была переложена в нескольких вариантах на музыку и сделалась одним из благороднейших гимнов в литургии синагог.

Став «Бар Мицва» (сыном заповедей), Леон получил филактерии для надевания каждое утро перед утренней молитвой. Филактерии свидетельствовали о том, что он «привязан» к Закону. Вступив в синагогу, Леон был включен в миньян, т. е. стал участником молитвенного собрания, в котором никогда не должно было быть менее десяти человек. Раввины объясняли это число тем, что когда Авраам умолял Бога о пощаде Содома, в нем должны были быть хотя бы десять праведников (Быт. 18:32). Основываясь на этом месте Писания, еврейские общины поддерживают десять старцев для постоянного присутствия в синагоге.

Библия ничего не говорит о филактериях, но раввины, подчеркивая букву Второзакония 6:8, истолковали ее по-своему: «И навязи их (слова) в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими», что просто значило: «Помни Божий Закон постоянно и поступай по нему». Для воплощения своего толкования раввины изобрели две малюсенькие коробочки (2х4 кв. дюйма), сделанные из кожи чистого животного. Коробочки делятся внутри на четыре пазухи, в которые кладутся четыре текста Писания: Втор. 6:4–7; 11:13–21; Исх. 13:2–10, 11–16. Поскольку другой почтенный раввин – Яков Бен Меир (Там) – посоветовал поместить места Писания в обратном порядке, раввины надевают обе коробочки.

Написанные на пергаменте соффером (писцом), эти тексты Писания запечатываются в пазухах коробочек, и рядовой еврей даже не знает их содержания. Коробочки привязываются кожаными ремнями по одной на лоб и предплечье левой руки, ближе к сердцу. Та, что на лбу, носит первую букву «Шин» – от «Шаддай» (Всемогущий). Узел ремней «Ретсуа», которым прикрепляются филактерии, делается в виде двух других букв тех же атрибутов Бога. Ремень, которым семь раз обвязывается левая рука, символизирует слова из Книги Второзакония: «...А вы, прилепившиеся Господу, Богу вашему, живы все донныне» (4:4). Тот же ремень обматывается три раза вокруг среднего пальца, причем каждый раз нараспев повторяются слова: «И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благодати и милосердии» (Осия 2:19).

Когда Леон стал «Бар Мицва» (сыном заповедей), его позвали читать Тору в первую же субботу, что считалось огромной честью. Перед началом чтения он произнес благосло-

¹⁰ Возраст правомочности, физической зрелости и религиозной ответственности в 13 лет и один день устанавливается в талмудическом трактате «Пирке Авот» (5:21).

вание: «Благословен Ты, Боже, за то, что избрал нас из других народов и дал нам заповеди. Благословен Ты, наш Бог и Даятель истинной Торы». В конце чтения он произнес другое благословение: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, давший нам истинную Тору, и насадивший среди нас вечную жизнь».

При полученных привилегиях, Леон вполне сознавал всю ответственность перед Богом и народом. Грехи, за которые до этого отвечал его отец, теперь зачитывались ему. Навсегда незабываемыми остались слова отца, произнесенные перед развернутой Торой: «Благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты освободил меня от ответственности за грехи моего сына». После этих слов отца Леон произнес молитву: «Боже мой и моих отцов, в этот торжественный, священный день, отмечающий мой переход из отрочества в мужество, я смиренно поднимаю свой взор к Тебе и заявляю со всей искренностью и правдивостью, что отныне буду соблюдать Твои заповеди и понесу полную ответственность за свои поступки в отношении Тебя. В раннем младенчестве я был введен в Твой завет с Израилем, а сегодня я снова вступаю в члены Твоего избранного собрания, как его активный и ответственный участник, чтобы всегда и перед всем народом провозглашать Твое святое имя».

Этот день праздновался особенным образом в кругу родных и друзей. Снова Леона осыпали подарками за его талмудическую речь, так называемую «Дераша». Речи некоторых раввинов на этом празднике подчеркивали важность религиозной зрелости, и торжественность такой ответственности еще больше отягощала сердце юного Леона. Он прекрасно знал, что помимо 613 библейских заповедей (мицвот), содержащихся в Торе, по подсчетам раввинов, были еще бесчисленные раввинские предписания и постановления, которые тоже нужно было строго и тщательно соблюдать, потому что они ставились даже выше заповедей Торы. Тяжкое бремя, возложенное на плечи Леона, может быть вполне оценено и понято только теми, кто сам принадлежал к священническому роду. Жить по предписанным стандартам было просто невозможно. Даже молитва, хотя и считалась насущно важной, тоже была бременем. В будние дни нужно было обязательно трижды в день, утром, в обед и вечером, читать длинные молитвы из молитвенников. Но еще длиннее были молитвы в субботу и в праздники, не говоря уже о торжественных периодах покаяния, так называемых «Ямим Нороим», включавших Рош Хашана и Йом Кипур (Новый год и День Искупления). Будучи религиозным евреем, Леон благоговейно повторял ежедневно свое кредо с исповеданием веры в пришествие Избавителя Мессии: «Верую полною верою в пришествие Мессии. Если Он и замедлит, я, тем не менее, буду ежедневно ожидать Его пришествия».

Помимо ежедневных молитв, Леон был обязан чтить Бога сотнями благословений в день, произнося так называемые «Меах Брахот». Короткое благословение он должен был знать наизусть про запас, чтобы быть готовым к любому случаю. Для питья воды и принятия в пищу какого-нибудь фрукта было два разных благословения. Также и для обычных и необычных, приятных и неприятных случаев жизни, при громе и молнии, буре или несчастье, были разные благословения. Молитва считалась заменой жертвоприношения, которого ни один еврей не мог приносить вне святилища. Поэтому вместо жертвы он говорил: «Да будет слово уст моих приемлемым для Тебя, наш Бог, будто я действительно принес всесожжение, жертву за грех». Это было основано на словах пророка Осии: «Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу, говорите Ему: отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших» (14:3).

Леон Исаак относился очень серьезно к ежедневным молитвам (Йецер ха-Рах), в которых подчеркивал исповедание грехов и злых наклонностей, бия себя в грудь и выразительно произнося каждый написанный грех, хотя бы он даже никогда не совершал его. Единственным светлым пятном во всем этом религиозном упражнении и повторении молитв были места Писания, которые говорили о пришествии Мессии, восстановлении Иерусалима и Храма, возвращении на Святую Землю.

Леон любил петь песни Сиона и повторять «Шемонэ Эсрэ» (восемнадцать благословений): «Воструби великой трубою о нашем избавлении и освобождении. Подними знамя для сбора нас из изгнания. Собери нас со всех концов земли и приведи в нашу землю; возврати в город, город Иерусалим, для жизни нас в нем, как Ты обещал. Отстрой его в наши дни, как вечное строение, и утверди престол Давида, раба Твоего. Ускорь расцвет потомка Давида, Раба Твоего, и да будет рог Его возвышен Твоим спасением, потому что мы взываем к Твоему спасению весь день и надеемся на избавление».

Однако все эти религиозные обряды и молитвы не приносили Леону удовлетворения. Большинство из них вызывали сожаление, покаяние, плач над разрушением святилища и удалением из него божественного присутствия из-за грехов народа. Сильное впечатление производили на Леона ночные молитвы-вопли отца: «Горе мне, потому что Храм наш опустошен и Святая Тора сожжена со святилищем. Горе мне из-за убиения праведных мучеников, из-за того, что Его великое имя и святые заповеди были в поношении. Горе мне ради страданий во всех поколениях, ради поражения благочестивых отцов и матерей, пророков и праведников, тех, кто в раю. Горе мне из-за страданий Мессии, потому что наши грехи причинили их и наши преступления отодвинули время искупления нашего. Наши беззакония удерживают от нас благо. Горе детям, которых прогнали от отцовского стола. Хотя прошли века со времени разрушения Храма, я считаю, что это было в мои дни».

Ученики Торы

Как постановили раввины ещё в древности, ученики обязаны были посвящать треть своего времени изучению Мишны (самого раннего раввинского комментария), вторую треть времени – изучению Гемары, включая Галаху и Аггаду, и одну треть времени – изучению Священного Писания. Эта литература настолько обширна и глубока, что раввины называют ее «Ям ха-Талмуд» (океан Талмуда)¹¹.

Леон был брошен в этот бушующий океан, чтобы в будущем стать эрудированным раввином, наставленным во всех строгих правилах и ритуалах. Естественно, что все эти занятия проходили на языках оригиналов: изучение Священного Писания – на древнееврейском, Таргумов – на арамейском, а Талмуда – на иврите III–IV вв.

Учившие Леона Талмуду были очень ревностны, и мальчику было нелегко удовлетворить их требования. Каждую субботу после обеда отец экзаменовал сына, а в его отсутствии – какой-нибудь назначенный заместитель. Леон должен был правильно отвечать на все их нарочито замысловатые вопросы. Пронизывающее око честолобивых учителей следило за каждой процедурой во время этих испытаний, и горе тому ученику, который на чем-нибудь спотыкался.

Один такой экзамен Леон запомнил на всю жизнь. Ему пришлось предстать перед старым и очень известным раввином Шмуэлем. Тот просто забыл, что перед ним стоит, по сути, ещё мальчишка, и ожидал от него ответов на все свои вопросы. Учитель, в чьем присутствии велся экзамен, чувствовал себя униженным, потому что ученик не оправдал ожиданий. На следующей неделе он возложил еще более тяжелое бремя на плечи Леона.

Для того, чтобы буквально исполнить слова из Писания: «Рассуждай о нем (о Законе) день и ночь», – Леон должен был начинать свои занятия еще на заре, когда ночь и день сливались в одно целое. Леон договаривался с ночными сторожами, прося будить его еще до рассвета, но, чтобы не беспокоить родителей, придумал трюк: сторож тянул за веревочку,

¹¹ Талмуд (евр. «изучение») – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, сложившихся в IV в. до Р.Х. – V в. по Р.Х. Составные части Талмуда: Мишна (от евр. «повторять») – собрание устного Закона, включающее различные тексты (Мидраши, Галаху и Аггаду); Гемара (евр. «завершение») – свод дискуссий по проблемам Мишны, публикуемый как комментарий к ней в изданиях Талмуда.

один конец которой был привязан к большому пальцу ноги Леона, а другой вел наружу, за окно дома. Этот метод срабатывал, и Леон мог тихонько покидать дом и не опаздывать на свои занятия.

В плену суеверий

В своем рассеянии далеко от родной земли еврей не обладает средствами соблюдения заповедей, как это предписано в Законе. С тех пор, как был разрушен Храм, простые люди впали в полную зависимость от раввинов и их толкований Священного Писания. От данного Моисею божественного Закона осталась только оболочка, но и та была начинена раввинскими суевериями. О таком почитании Господь сказал через пророка Исаию: «...Сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих...» (Ис. 29:13). Об этом жалком духовном состоянии сожалел и другой пророк: «... Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (Иер. 2:13).

Вместо Божией праведности, укоренились самоправедность, предания и суеверия, и вместо божественной истины, любви к Богу и благоговения перед Ним – рабство и страх перед Богом, перед смертью и жизнью. В результате появился страх перед мертвецами и всякого рода духами. Суеверия преобладают по сей день, главным образом, среди раввинских ортодоксальных евреев.

Эти страхи и опасения обуревают умом и сердцем человека, особенно вечером и ночью. Синагоги вызывают сердечный трепет у многих, кто проходит мимо них в полночь или в предрассветные часы. Множество рассказов о духах и привидениях связаны именно с синагогами, словно души умерших, которые при жизни пренебрегали своей религиозной жизнью, собираются здесь по ночам на молитвенные собрания, для исполнения обрядов и церемоний. Суеверное поверье гласит, что в случае, если число этих мертвецов не достигнет десяти, нужного числа для общей молитвы и чтения свитков Торы, они могут причинить внезапную смерть прохожему – просто ради того, чтобы получить нужное число душ в своем собрании. Это особенно угрожает будущему раввину, чье присутствие незаменимо при чтении свитка перед собравшимися духами. Поэтому молодой Леон всегда с трепетом проходил мимо синагоги в ночные часы. Для предохранения мальчика от возможного убийства дед посоветовал ему применять на пути домой кабалистическую формулу и повторять Псалмы (91 и 106:13–14). Другим видом защиты, по совету того же деда, был застекленный пятисторонний фонарь с нарисованной на каждом стекле звездой Давида.

Светское образование

Укоренившись в раввинской науке, Леон мог позволить себе, наконец, заняться светским образованием. Умственные способности и прилежание помогали ему идти в раввинской школе в ногу с остальным классом не только по религиозным предметам. Он успешно усваивал и другие науки. Леон любил географию, историю и физику, был весьма увлечен иностранными языками. Естественно, такие занятия требовали жертв, нужно было отказываться от чего-то другого, особенно от драгоценного сна, и так уже сокращенного до минимума. Слова «упорный труд» стали девизом Леона.

Вопросы

Раввины прекрасно знали, почему они запрещали задавать некоторые вопросы на библейские темы. Чем больше еврей старался исполнить церемониальный закон, предписанный

в Ветхом Завете, тем больше возникало у него вопросов и трудностей, тем меньше было духовного удовлетворения. Церемониальные суррогаты истины становились в их жизни все более бессмысленными и пустыми. Ревность по Богу, желание угодить Ему умножением количества молитв, постов, добрых дел и многими другими путями оставляли душу голодной, ее жажда не могла быть утолена. Вся еврейская религия основана на прошлой славе и совершенно лишена того, что могло бы облегчить душевные муки сегодня. Религиозные евреи были лишены сути своей мессианской надежды.

«Почему евреи должны страдать как нация? Не должны ли праведные цадики и хасиды быть исключены из общего страдания? Наш народ, в своем большинстве, по сравнению с периодом пророков и Храма, более верен Богу, чем когда-либо раньше. Теперь в Израиле нет идолопоклонства. Почему же нынешнее рассеяние длится дольше, чем все прежние?» – примерно так думал Леон. Все эти вопросы мучили его. Он не находил на них ответов ни у раввинов, ни у отца, ни в доступной ему раввинской литературе. Причину такого длительного рассеяния раввины объясняли так: «Мы согрешили против Бога, и Он ждет, пока мы станем лучшими евреями». Это часто повторялось в общей молитве, «Унипней халусину», во время торжественных праздников Нового года (Рош Хашана) и Дня Искупления (Судного дня – Йом Кипур).

Однажды друг Леона по семинарии, некто Б., открыл ему свою тайну, что он читает труды «Кури», «Мор Иерохим» и другие философские книги, которые открыли ему глаза на разные аспекты религии и дали больше удовлетворения душе. Он пригласил Леона присоединиться к нему и предложил вместе изучать книги пророков.

С одной стороны, можно было понять, почему столпы ортодоксального еврейства требовали сторониться упомянутых книг, которые они за «иной характер» называли «Сфорим Хитцоним» (вредные Писания). Но Леон не мог понять, почему нужно было пренебрегать также пророческими книгами. Он знал об указе не размышлять над ними, потому что «они притягивают», к чему раввин Соломон бен Итцхак Раши прибавил слово «минут» – еврейскую аббревиатуру, означавшую, что такие рассуждения влекут к принятию веры в Иисуса из Назарета. Однако Леон пока ещё не знал, что именно в них притягивает, и если книги пророков – часть Божьего Слова, то он был обязан познакомиться с ними поближе.

Зная о благочестивом и благодушном характере своего друга и его глубоком знании Талмуда, Леон, в конце концов, присоединился к занятиям с ним, и перед юношами открылся необъятный простор для мысли. Вскоре Леон втянулся в пророческие книги и их мессианские предсказания, которые наводнили его голову массой новых вопросов.

Таинственная книга

Один из учителей Леона по нерелигиозным предметам нашел в нем интересного собеседника и стал его другом. Все чаще и чаще он говорил с ним о современных идеях, о более полезном будущем, чем профессия ортодоксального раввина. Правда, он так и не посоветовал Леону ничего конкретного. Когда учитель уехал, с первой почтой от него пришла странная книжка на еврейском языке, в красивом переплете. В приложенной записке учитель советовал Леону тайно прочесть книгу и никому не говорить о том, что он ее читал. Никаких других объяснений не давалось.

Книжка называлась «Брит Хадаша» – Новый Завет. Для Леона он оказался действительно новым. Прочитав первую страницу, он недоумевал о секретности, о которой предупреждал его учитель, не понимая, для чего нужна была такая осторожность. Слова «Авраам родил Исаака и Исаак родил Иакова» были старой, знакомой с детства историей. Решив, что его друг-учитель разыгрывает его, подсунув ему религиозную книгу, Леон пошел к своему другу Б. и показал Новый Завет ему. Тому книга тоже показалась загадкой, и он оста-

вил ее без внимания. В те дни настоящее имя Христа евреи не произносили вслух, о Нем не упоминали в раввинской литературе. В отдельных брошюрах Его иногда называли Ишу, но чаще всего употребляли более кощунственное слово – Толи (повешенный). Новый Завет никогда не распространялся среди евреев, и поэтому понятно, почему ни название книги, ни ее начало ничего им не говорили.

Новое открытие

Любопытство Леона к новой книге и совету хранить ее в секрете возрастали с каждым днем. Новый Завет стал своего рода «запретным плодом». Однажды, когда открыв его, Леон углубился в чтение, его внимание привлекли слова из пятой главы Послания апостола Павла к римлянам, странные слова, поразившие его, как удар молнии: оправдание верою, мир с Богом, доступ к благодати, радость, надежда, слава. Сделав это открытие, Леон помчался стремглав к своему другу Б. Совместное чтение восьмой главы Послания к римлянам открыло перед ними новый, неведомый мир и вызвало бурю противоречий в душе. Всё это звучало совсем по-другому, не так, как талмудическое учение раввинов!

Внезапно Леон понял, почему с этой книгой обращались с такой осторожностью, и решил уделить один час в неделю для ее изучения, это было обычно поздно вечером. Из седьмой главы он узнал, что автор обращается к тем, кто изучал и знал Тору, к тем, кому она известна на еврейском языке, потому что он писал: «...Ибо говорю знающим закон...» (Римл. 7:1).

Взрыв преследования

Вскоре по городку поползли слухи, что самая ужасная книга «о Толи» ходит по рукам среди раввинской молодежи. Старший раввин издал указ для провозглашения во всех синагогах и талмудических школах; он требовал немедленно выдать ему опасную книгу, которую он назвал «Трейфе Поссул». Леон догадывался, что речь идет о его книге, но не понимал, каким образом раввины узнали о ней. Так как название книги не упоминалось в указе и никаких других признаков ее не было названо, Леон ожидал дальнейшего развития событий. Однако проходили дни, и никто не откликнулся на воззвание. Тогда старший раввин добавил, что он уверен: те, кто будут читать эту книгу, впадут в «шмад» (слово, которым называли обманщиков и язычников).

Весь город повергся в панику. Раввин требовал принести к нему все «Сфирим Китсоним» (книги, не имеющие применения у раввинов). Некоторые родители, не разбираясь в этом вопросе, приносили ему раввинские и другие школьные книги, но той книги, которую он искал, среди них не оказалось. Когда раввина спросили, откуда он узнал о том, что книга есть среди молодежи, он ответил, что получил письмо о том, что самая опасная книга, которой пользуются мешамудим (отступники от веры, предатели), была прислана одному из юношей общины, но он не знал в точности, как называется книга и кому она была прислана.

Теперь Леон и его друг Б. не сомневались: книга, которую искал раввин и весь городок, была у них в руках. Отдать ее раввину было не так-то просто, потому что это было бы равносильно добровольной отдаче себя на всеобщий позор. Уничтожить книгу – означало бы нагнетание паники, охватившей многих жителей, а отослать ее раввину по почте было бы трусостью. Раввин пригрозил, что если «заклятая книга» не будет сдана ему, гнев Божий посетит всю общину, погибнут беременные женщины, молодые матери и дети. «Я не успокоюсь до тех пор, – заявил он, – пока книга не будет уничтожена на моих глазах!» Матери плакали, отцы пребывали в растерянности, а возмущению ревностных раввинов и старейшин общины не было предела, поэтому Леон и его друг решили отнести книгу раввину и

рассказать ему, каким образом она попала в их руки. В своё оправдание юноши могли сказать, что почитали её «лишь немножко».

Однако исполнив это намерение, Леон и его друг попали в еще большую беду. Им не дали шанса объясниться и оправдаться. Раввин в ярости приказал немедленно швырнуть книгу в огонь, не позволив никому прикоснуться к ней, дабы не оскверниться. Книгу бросили в пламя под чтение слов из Второзакония: «...И так истреби зло из среды себя» (13:5). Друг Леона попытался спасти красивую обложку книги, хотел вырвать несколько страниц из нее, но прислужник раввина дал ему звонкую затрецину, и книга полетела в огонь. Об уничтожении книги было немедленно объявлено во всех синагогах, но волнение продолжалось, потому что владельцы книги, Леон и его друг, все еще оставались членами общины. Против них поднялась неопишуемая буря гонений, которая долго не стихала.

Чудесное вмешательство

Несмотря на большое уважение к родителям Леона, голосованием собрания было решено исключить его из Штебель – специального зала для богослужений благочестивых хасидов, членами которого были Леон и его отец. Совершенный Леоном грех позором ложился на все общество. Никто из тех, кто помог бы Леону в любом другом случае, не решился заступиться за юношу теперь, хотя все любили его. И тут произошло нечто неожиданное. В одну из суббот, когда община собралась на богослужение, в синагогу пришла группа молодых евреев из другой общины и потребовала отмены наказания, заявив: «Мы не уйдем отсюда и не позволим вам развернуть свиток Торы для чтения до тех пор, пока вы не восстановите членство сыну Елеазара, священника». Лидер группы, человек влиятельный, добился успеха в этом деле, и членство Леона было восстановлено. Отец и сын могли опять быть вместе в синагоге и специальном зале для хасидов. Тем не менее, более ревностные знатоки раввинской науки продолжали выступать против Леона и его друга, оба должны были терпеть унижения, упреки и гонения.

Упавший на семью позор причинил немало страданий матери Леона, которая, несмотря ни на что, осталась преданной своему первенцу, сыну ее надежды, что для него было огромным утешением. К великому удивлению Леона, обличение отца оказалось не таким строгим, как он ожидал. Отец отнесся весьма мудро и благосклонно к эпизоду с книгой и не придавал ему слишком большого значения. Леон был благодарен отцу за такое отношение к своему поступку.

Возмущение и протест Елеазара были направлены против тех, кто посмел унижить его, отца, несправедливым осуждением сына. Ради его безопасности, отец решил переехать в другой город. Перевозя всю семью, он не только спасал Леона от гонений, но и устраивал новое гнездо для всех своих домочадцев. На новом месте Леону было легче продолжить свои раввинские и светские занятия. Те успехи, которых он до сих пор достиг, подстегивали его на большие и ускоренные достижения в области образования, но зоркость отца, следившего за всеми его общениями, казалось ему иногда излишне строгой. Теперь отец хотел знать всех товарищей и коллег сына в городе. Это было похоже на недоверие и возмущало Леона.

У отца были причины не доверять своему первенцу. Леон тайно переписывался со своим другом Б., от которого он узнал, что тот, получив раввинский диплом, решил не принимать места в какой-либо общине, потому что этот шаг противоречил его нынешним взглядам. Леон понял, что интерес его друга к «запрещенной книге» был больше, чем простым любопытством.

Новый друг

Среди студентов раввинской школы в городе В. был исключительно талантливый юноша по имени Самуил, сын уважаемых родителей, а возрастом чуть старше Леона. Интеллигентный юноша, Самуил мыслил более прогрессивно, чем было известно о нем в его кругах. Леон нашел в нем друга по сердцу своему и получил полное одобрение отца. Оба юноши любили игру на скрипке и часто играли вместе, но только в совместных занятиях обнаружилось, что взгляды Самуила близки к взглядам покинутого Леоном в родном городе товарища, проводившего немало времени за изучением «других вещей». Это обстоятельство еще больше сблизило молодых людей.

Однажды разговор зашел о книгах, и Леон коснулся своего знакомства с «уникальной книгой», на что Самуил ответил, что у него тоже есть «очень редкая книга». Любопытство Леона было возбуждено, и он начал просить товарища показать ему свою книгу. Долгое время Самуил не поддавался уговорам Леона, но однажды все же согласился принести книгу на их следующую прогулку в лесу. Приподняв полу пальто, Самуил позволил Леону бегло взглянуть на нее, но этого было достаточно. Леон сразу же узнал «Брит Хадаша». Выражение лица Леона выдало его знакомство с Новым Заветом, и оба товарища рассказали друг другу, каким образом они познакомились с этой книгой. Рассказ Леона произвел большое впечатление на Самуила, но тот факт, что книга снова была перед ним, вызвал трепет в сердце Леона, и он задрожал от страха. Леон чувствовал, что в его жизни происходит нечто, над чем он не имеет никакого контроля, нечто роковое...

Еще более волнующим был рассказ Самуила о том, как он получил свой Новый Завет. Его знакомый встретился в поезде с одним евреем. В разговоре обнаружилось, что этот еврей верит в Него, в Того, кого в общине называли Толи. И не просто верит в Него, но верит, что Он и есть Мессия Израиля! В дальнейшем разговоре этот попутчик приводил такие доводы и верные доказательства из пророческих книг, что знакомый Самуила, будучи весьма религиозным и сведущим в раввинистическом богословии человеком, настолько сильно заинтересовался этим предметом и изучением запретной книги, что веривший в Толи спутник подарил ему Новый Завет. Он начал сравнивать ее с Библией, мессианскими обетованиями, историей и убедился, что этот попутчик представил ему истину.

Своими новыми убеждениями знакомый Самуила поделился с юношей, говоря, что «евреи совершили роковую ошибку, отвергнув Того, Кто был обещанным Мессией, по имени Иешуа, Которого ревностные вожди народа из зависти предали в руки язычников, которые распяли Его на кресте как преступника, и таким образом Он сделался Толи (повешенным)». При этих словах на глазах Самуила выступили слезы. Он остановился, но потом с новым сильным чувством рассказал о дальнейшей судьбе своего знакомого: «Заметив перемену в сыне, отец прозревшего еврея начал жестоко преследовать его. Он пытался уничтожить книгу, а сын всеми силами защищал ее. Но в конце концов книга была порвана, осталась без обложки. Взяв то, что от нее осталось, мой знакомый бежал из дому, и никто не знал, где он. Через несколько месяцев я получил от него письмо из Англии и пакет, в котором была эта книга. В письме, помимо другого, говорилось: „Я очень дорожу этой книгой. Она открыла мне духовные очи и помогла найти моего Спасителя! Посылаю ее тебе“».

Самуил попросил Леона не упоминать больше об этой книге. Он дорожил ею как реликвией и подарком от друга, но хранил ее втайне. Несмотря на то, что он был хорошо знаком с ее содержанием, оно не коснулось его сердца, как можно было предположить.

Леону очень хотелось почитать Новый Завет, потому что то, что он когда-то прочитал в Послании к римлянам, вызвало в нем желание узнать больше. Однако Леон нигде не мог

достать эту книгу. В то время, о котором идёт речь, работа еврейских христианских миссий, особенно в Российской империи, находилась только в зародыше.

Новые пути

Постепенно новый свет начал проливаться на жизнь Леона. Из переписки со своим другом Б. он узнал больше о причинах, почему тот решил отказаться от карьеры раввина. Это встревожило Леона, но не изменило направления его занятий, он продолжал раввинское обучение, хотя в своем окружении видел много разочарованных студентов, сожалеющих о напрасно потраченном времени.

Самуил познакомил его с группой маскилим (приверженцами движения еврейского просвещения «Хаскала»)¹² и с «Ховевей Цион»¹³. Несмотря на то, что их занятия были довольно безобидными, просветительскими, направленными на возрождение еврейского языка и репатриацию еврейского народа на Святую Землю их отцов, оппозиция со стороны ревностных раввинов-фанатиков была повсеместной. Раввины изо всех сил старались искоренить это молодое движение.

Президентом этого общества был некто П., врач и крупный ученый, и таким же был д-р Б., его секретарь. Членами общества были серьезные интеллектуалы, в том числе молодёжь. Общество содержало просветительский центр с бесплатными высшими курсами для еврейских студентов – чтобы подготовить их к учебе в университете. Такая возможность учиться для молодых евреев в тогдашней России имела огромное значение, они страдали от государственных ограничений, налагаемых на всех евреев. Знание Леоном иностранных языков было радушно встречено в этом обществе, и он вскоре вошел в редколлегию газеты «Заря», печатавшейся с помощью гектографа.

Воодушевленный президентом общества и другими членами группы, Леон начал готовиться к карьере фармацевта. Он убедился, что от раввинской карьеры ему следует отказаться, хотя для него она была многообещающей. Это решение встревожило и разочаровало родителей Леона и других его родственников и друзей. После неприятных споров в семье Леону пришлось покинуть родной дом.

Самым подходящим местом для достижения новых целей Леона была Варшава, столица Польши, находившейся тогда под властью Российской империи. Польша пользовалась некоторыми автономными привилегиями, и ограничения для евреев были здесь значительно слабее, чем в России. Только тут евреям разрешалось селиться большими общинами, в Польше им предоставлялась возможность получать свободные профессии в местных университетах.

Покинув родную семью, отказавшись от домашнего уюта, Леон пришел к выводу, что свободная жизнь вовсе не легка. Однако предусмотрительность и добрые советы друзей помогли ему пройти эту фазу своей жизни довольно безболезненно. Ему посоветовали взять курс бухгалтерии в деловом училище, что помогло ему, после обретения некоторой доли умения, зарабатывать достаточно средств на пропитание и кров. И все же Леону нужно было приспособливаться к новым условиям и непривычной среде. Правила и ограничения на новом месте тормозили его занятия, и вообще, вся эта борьба за существование оказалась труднее, чем он ожидал.

¹² «Хаскала» (евр. «просвещение»), отсюда – маскил, маскилим («просвещенный», «просвещенные») – еврейское идейно-просветительское, культурное, литературное и общественное течение, возникшее в Европе во второй половине XVIII в. «Хаскала» стала провозвестницей всех течений еврейской национальной мысли в последующие два столетия.

¹³ «Ховевей Цион» (евр. «любящие Сион») – просионистское движение, образованное в 1884 г. из ряда разрозненных групп (в основном, из России). Движение проложило путь между ранними спонтанными идеями возвращения к Сиону (в духовном смысле) и политическим сионизмом (Т. Герцль).

Глава 3

Божье расположение

Событие на площади

Поговорка «человек предполагает, а Бог располагает» неоднократно подтверждалась в жизни Леона. После того, как планы в области раввинской карьеры рухнули, причем явно с помощью Божьего вмешательства, это же вмешательство, не менее явно, сыграло важную роль в его будущих планах. Не узнавая и не понимая Божьего водительства, Леон дважды соприкоснулся с Новым Заветом, но ему хотелось отбросить и забыть пережитое, он решительно направился к новым целям.

Однажды в комнату, которую Леон снимал у знакомых евреев, вошел сын хозяина и взволнованно рассказал ему о том, что он только что увидел на улице: «Какой-то еврей распространял трактаты и книги на еврейском языке и идиш, и это ужасно возмутило всех, живущих вокруг евреев. Улица усыпана разорванными трактатами и книгами, а сам книгоноша едва унес ноги после грубого нападения!» Леону очень захотелось самому увидеть, что творится на улице, потому что это было явно нечто необыкновенное. Почему нужно нападать на еврея только за то, что он распространяет литературу на еврейском и идиш? Зачем нужно уничтожать его литературу? Тут Леон сообразил, что это событие может представить огромный интерес для него. Он помчался на место происшествия. По пути встретил раскрасневшегося еврея с помятыми и порванными трактатами в руках. Леон спросил его, видел ли он все происшедшее на площади. Тот ответил: «Да, я видел это и сам принял участие в изгнании мешамуда! Теперь он никогда больше не посмеет раздавать свои книги».

Придя на площадь, Леон увидел там евреев, возмущенно обсуждавших происшедшее, а вокруг все еще валялись обрывки литературы. Леон осторожно поднял несколько листовок. Они были написаны на идиш, и Леон был разочарован, потому что он больше интересовался еврейской литературой. Идиш считался жаргоном простонародья. Отбросив эти первые листки, он поднял другие и нашел на одном из них печать с адресом, где можно было заказать литературу на разных языках.

Несмотря на внутреннюю тревогу при воспоминании о последствиях первого знакомства с «запретной книгой», Леона тянуло пойти по указанному адресу. Стараясь быть осторожным, он, как евангельский Никодим (Иоан. 3 гл.), пошел туда под вечер. Дверь ему открыл приветливый человек, пригласил войти, несколько раз повторив еврейское приветствие: «Шалом алейхем!»

Адрес был правильным, но, глядя на типичного еврея с черной бородой, Леон с удивлением спросил его, где он может купить «Брит Хадаша». «Вы можете получить ее здесь», – ответил мужчина и начал задавать гостю вопросы, пытаясь побольше узнать о нем. Он хотел выяснить, почему Леона интересует именно эта книга. Стоя перед этим человеком, как на раскаленных углях, юноша пытался избежать разговора. Он спешил получить книгу и поскорее уйти, но господин Зильберштейн, хозяин дома, не торопился завернуть и передать книгу Леону. Последовавшие вопросы на какую-то тему вызвали раздражение и горячий спор.

Попранное сокровище

Господин Зильберштейн хотел знать, был ли Леон на площади, когда евреи напали на него. Отвечая на этот вопрос, Леон поинтересовался, почему тот раздает литературу, заведомо зная, что она будет уничтожена фанатиками. С грустью в голосе Зильберштейн отве-

тил: «Если бы только наш народ знал, что он попирает ногами сокровище, уничтожает Слово Жизни, люди бы никогда этого не делали! В духовной слепоте они отвергли Мессию, о Котором говорится в этих книгах. Я пускаю хлеб свой по водам, и он в свое время принесет плод».

Леон был поражен, когда Зильберштейн, несмотря на то, что его прогнали и побили, сказал о евреях: «наш народ». Он привел текст из Евангелия, в котором Мессия проявляет сострадание к Своему рассеянному народу, заблудшим овцам дома Израилева, и добавил: «Господь Иисус велел нам любить врагов и молиться за ненавидящих нас без причины».

Искренность свидетельства Зильберштейна произвела сильное впечатление на Леона. Впервые в жизни он стоял лицом к лицу с евреем, который верил в Иисуса как в Мессию и проповедовал Его учение открыто и бесстрашно. Это было слишком для Леона, и он считал своим долгом возразить этому человеку. Талмудская схоластика, совокупно с современными знаниями и взглядами, была оружием Леона против Зильберштейна, но тот смело пользовался обоюдоострым мечом Божьего Слова, цитируя одно за другим тексты из Священного Писания. С каждой минутой Леон умышленно накалял обмен мнениями, а Зильберштейн проявлял исключительное терпение и понимание выдвигаемых Леоном аргументов. Однако цитаты из Нового Завета о покрывале Моисея на глазах и сердцах евреев (2 Кор. 3:13–17) и цитаты из Торы только подлили масла в огонь, и Леон снова попросил Зильберштейна дать ему желаемую книгу, чтобы поскорее уйти из дома, в котором ему стало слишком жарко.

Зильберштейн объяснил Леону, что ему нечего бояться, потому что если даже кто-нибудь придет, это будет либо такой же ищущий человек, как он, либо тайный верующий в Мессию, каковых в городе немало. Последнее утверждение удивило Леона, но он ничего не сказал, быстро распрощался с Зильберштейном и буквально побежал домой, спрятав запретную книгу под пальто.

Внутренняя борьба

Свидетельство Танаха¹⁴, всей еврейской Библии, которую Зильберштейн называл «удостоверительными документами, подтверждающими мессианство Иисуса из Назарета», было действительно поразительным. Хотя Леон почти наизусть знал все приведенные цитаты и еще множество других текстов, ему никогда не приходило в голову, что они относятся к Иисусу. Он не мог видеть связи между ожидаемым Мессией Израила и христианским Иисусом других народов. Для него это стало самым ужасным камнем преткновения и толкало его на новые споры с этим человеком, которого он считал обманщиком, впадшим в ересь, т. е. нешоме.

Леон чувствовал, что оспорить доводы этого человека – его священный долг, и считал бы великой победой, если бы ему удалось возратить его в еврейскую веру. Но каждый раз цитаты Зильберштейна и простые доводы на основании Священного Писания только еще больше тревожили разум Леона и усиливали его внутреннюю борьбу.

Прошло несколько недель, и Леон опять пошел к Зильберштейну. Они продолжили прежний спор, начатый во время прошлого посещения. Заметив, что Зильберштейн не очень силен в раввинских и философских аргументах, Леон усложнил спор применением цитат из Ветхого Завета, смешивая их с софистикой и уловками раввинских толкований. Со временем Зильберштейн привязался к своему противнику и приглашал его к себе как можно чаще. Леон, со своей стороны, хотя и был очень занят, заинтересовался беседами со своим оппонентом, хотя и не слишком внимал его объяснениям. Когда свет истины относительно Мессии начал просвещать ум Леона, это вызвало обратный эффект и очень глубокую реак-

¹⁴ Танах – название Ветхого Завета по первым буквам входящих в него текстов: Тора, Небиим (Пророки), Ктувим (Писания). В русском языке устоялось именно такое прочтение.

цию, больше прежнего усугубившую внутреннюю борьбу в его душе. «Это не может быть правдой, – говорил он себе, – если Иисус – Мессия, тогда весь еврейский народ находится в затруднительном положении, потому что отверг Его. И тогда все потеряно и надеяться больше не на что...» Леон вдруг понял текст из Плача Иеремии, примененный апостолом Павлом в Деяниях апостолов (17:25) к Иисусу из Назарета как Мессии: «Дыхание жизни нашей, помазанник Господень, пойман в ямы их, тот, о котором мы говорили: под тенью его будем жить среди народов» (Плач Иеремии 4:20).

Мысли о судьбе своего народа, который он беззаветно любил, угнетали Леона. Зная, с какой тоской и нетерпением евреи ожидают своего Мессию, он не мог себе представить, что в истории Израиля могло быть время, когда этот народ отверг Того, Кого так ожидал! Ведь Христос мог доказать им, что Он – обещанный Мессия, и тем самым удовлетворить их ожидания и тоску. Невольно в сознании Леона возникла та же мысль, которую апостол Павел выразил в одном из своих посланий: «...Мы проповедуем...премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы» (1 Кор. 2:7–8). Павел сказал в синагоге в Антиохии: «...Жители Иерусалима и начальники их, не узнавши Его и осудивши, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу...» (Деян. 13:27). Леон был готов отказаться от всего этого как от относящегося к прошлому. Если отвержение Христа было народной ошибкой, тогда ее уже нельзя исправить.

Прошло несколько недель. Леон перестал ходить к Зильберштейну, хотя тот настойчиво приглашал его на беседы. Что-то сильно тревожило и пугало Леона, и предчувствие приближения чего-то необъяснимо нового и важного не покидало его ни днем, ни ночью.

Совпадение

Однажды Леон встретил Зильберштейна на улице, и тот стал приглашать его к себе, чтобы встретиться с его знакомым из Англии. Не подозревая, что в этом может быть вмешательство Божьего промысла, Леон не смог отказаться от приветливого приглашения и пошел к Зильберштейну просто из любопытства. Человек, которому представили Леона, был старше хозяина дома и тоже миссионер. Спор начался почти сразу, потому что для Леона этот человек представлял новый вызов. Однако новый противник, в отличие от Зильберштейна, был лучше подготовлен для ученых споров с ортодоксальными евреями, и разговор явно доставлял ему удовольствие. Он буквально навязывал свои доводы и проявлял очень мало терпения к оппоненту.

Спор о Троице и монотеизме

Позже, став христианином, Леон не раз пожалел о той неловкости, которую причинил миссионеру из Англии. Позже они стали близкими друзьями, но тогда тот был сам виноват – уж слишком ревностно и агрессивно он набросился на юношу.

С пути Леона нужно было удалить немало препятствий, прежде чем он смог убедиться в том, что Иисус – действительно Мессия. Пылкий юноша, любивший свой народ и преданный Богу отцов, не мог воспринять главное учение христианства – о Святой Троице. Ведь его религия основывалась на монотеизме (единобожии) – вере в единого Бога! Леон твердо верил, что есть только один Бог, не может быть никого, кроме Него или равного Ему.

Довод миссионера о том, что слово «Элохим» в Книге Бытие указывает на множественное число Бога творения, встретил ответный аргумент Леона. Юноша признал, что слово «Элохим» – действительно употреблено во множественном числе и взято от «Эль» (Могу-

чий, или Высший), но оно не обязательно означает множество лиц, не говоря уж о pluralistic majestas¹⁵.

Дальнейшим аргументом Леона было то, что во многих местах Библии, даже в той же книге Бытие, в описании творения, «Элохим» употребляется вместе с «Яхве». Если бы само по себе слово «Элохим» означало Троицу, тогда Яхве был бы четвертым лицом Божества, помимо Троицы. Кроме того, термин «Элохим» употребляется в Библии и в связи с идолами. Также Моисею Бог сказал: «Я поставил тебя богом (элохим) фараону, а Аарон, брат твой, будет твоим пророком» (Исх. 7:1).

«Элохим» применяется по отношению к людям в Псалме 81:6 и в Евангелии от Иоанна: «Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги? Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушиться Писание...» (Иоан. 10 34–35). Во многих текстах Библии языческие идола тоже названы «элохим». Значит, само по себе слово «элохим» не есть высший атрибут Божества и не может всегда толковаться как множество. Моисей был только одним человеком.

Более сильным доводом для Леона было слово в Десятиисловии, в первой заповеди, данной Богом Израилю на Синае. Бог определенно представился в единственном числе – как Яхве Эль. Та же форма не менее пяти раз повторяется в стихах Книги Исход (20:1, 5, 7, 10, 12). Более того, в Десятиисловии Бог предупреждает Израиль не иметь других богов «элохим», кроме Него (ст. 3). Во Второзаконии (13:3-12) Бог угрожает суровым наказанием тому, кто будет учить или верить в иного Бога, кроме Господа. Монотеизм – основа раввинского иудаизма. Это основной догмат в «Ани-Маамин»¹⁶, ежедневно повторяемый в еврейских ритуалах.

Эти беседы продолжились в следующий раз, при повторной встрече, и опять была затронута тема об Элохим. Немалым ударом для собеседников было приведение Леоном текста из Книги Исход: «Приносящий жертву богам (элохим), кроме одного Господа, да будет истреблен» (22:20). Так же и в «Шма Исраэль»¹⁷ о Боге говорится, как о Господе, едином Боге Израйля. Однако этот аргумент был опровергнут миссионером тем же стихом, который привел Леон: «Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть...» (Втор 6:4). Он подтвердил свой взгляд тем, что тут подразумевается Троица, потому что имя Божие повторяется трижды, как «Эхад», слово, означающее единство нескольких существ, как в случае с заповедью: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть (по-еврейски – бесор эхад). Священное Писание объясняет, что когда двое или больше становятся одним целым, это называется «эхад» (не один, а единый), что не исключает идеи Троицы.

Леон твердо стоял на раввинских толкованиях еврейского символа веры, составленных Маймонидом, но позже раввины изменили первую статью этого устава, заменив слово «Эхад» словом «Йохид», означающим абсолютное единственное число. Доводы миссионера, основанные на еврейском тексте Библии, были действительно поразительными и сильными. У него были другие доказательства, но ничто не могло убедить Леона. Его глаза были еще слепы. Раз доводы миссионера не соответствовали раввинским толкованиям, они не были убедительными для духовно слепого Леона. Он уверял, что хотя Бог упоминается три-

¹⁵ *Pluralistic majestas* («множественное величие») – лингвистический термин, обозначающий использование множественного числа для обозначения одного божественного объекта или власти.

¹⁶ «Ани Маамин» – молитва, основанная на 13 догматах, восходящих к Моше бен Маймону, или Маймониду (коротко – Рамбаму), еврейскому философу, богослову и врачу, жившему в XII в. Каждая из 13 частей молитвы начинается фразой: Ани маамин б-эмуна шлема (верую полною верой). Молитва возникла в среде европейского еврейства не ранее XV в.

¹⁷ «Шма Исраэль, Адонай Элокейну Адонай Эхад» («Слушай, Израиль...») – одна из главных иудейских молитв (Втор. 6:4).

жды, Яхве (YHVH) назван дважды – и не как три отдельных Божества. По-еврейски говорится: Адонай (YHVH) элохейну – Адонай (YHVH) эхад¹⁸.

Миссионер снова сделал упор на слове «эхад», процитировав Книгу Бытие (2:24), где это слово применяется к Адаму и Еве: «И будут одна плоть» – «бесор эхад». Опровергая это утверждение, Леон сказал, что Адам и Ева стали одной плотью после семейного союза, но не одним человеком. В третьей главе Книги Бытие о них говорится как о двух личностях: они узнали, что наги.

В конце беседы Леон привел место из книги пророка Малахии (2:10), где слово «Эхад» применяется к Богу в единственном числе, а именно: «Эль Эхад» и «Ав Эхад» (Один Отец). Кроме того, в соответствии с еврейской грамматикой, слово «эхад» используется там, где нужно сказать «один», например, «бейт эхад» – один дом, ха-Адам эхад – один человек и т. д. Однако эта тема увлекла Леона больше, чем он думал, и он начал более тщательно разбирать Писание. Юноша был весьма удивлен, когда обнаружил стихи, смысла которых он раньше просто не понимал, хотя заучивал слова наизусть. Откровение Бога Аврааму в Трех Лицах (Быт. 18 гл.) не было для него чем-то новым, но оно было завуалировано интерпретациями раввинов, а тут вдруг предстало совершенно иначе! По-новому читал он знакомые места Писания, например: «...Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...» (Быт. 1:26). После грехопадения Адама Бог сказал: «...Вот, Адам стал, как один из Нас...» (Быт. 3:22). Во время строительства Вавилонской башни Бог сказал: «...Сойдем же и смешаем там язык их...» (Быт. 11:7). Иисус Навин сказал о Боге, что Он – Элохим Кдошим, что значит Святые Боги. Все эти тексты Писания толкуются раввинами в угоду их плотскому уму и положению.

После этих открытий тема о Божестве обсуждалась спокойнее, Леон признал, что и другие тексты Писания говорят о Боге во множественном числе. Например, Бог и Дух упоминаются вместе (Быт. 1:2); Бог спрашивает пророка: «Кто пойдет для Нас?» (Ис. 6:8). Особо явно Леон увидел Мессию в тексте пророка Исаии: «Приступите ко Мне, слушайте это: Я и сначала говорил не тайно; с того времени, как это происходит, Я был там; и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его» (Ис. 48:16). Тут явно упоминалась Троица, так что не было больше нужды в доказательствах. Библия явно говорит не только об одном Боге, но и о Боге во множественном числе – о Троице.

Внимание Леона было по-новому привлечено к частям и выражениям в книгах выдающихся раввинов. «Зохар» и другие каббалистические¹⁹ книги говорят о Боге не только во множественном числе, но определенно о божественном единстве Трех в Одном, как о «Тлат Кишра Димхаинмитра» (Божество, соединенное как Троица). Там были также сравнения Божества с человеком, состоящим из тела, души и духа – «Хуф, Нефеш и Руах», которые тоже трое в одном. Другим прообразом Троицы было Святилище «Микдаш» со своими четко очерченными тремя отделениями, составляющими одно целое. Субботний песенник, «Кегавно», подчеркивает единство Божества на небесах, которое должно вдохновлять единство семьи и народа на земле.

В Библии есть довольно много текстов, в которых Бог, Его слава Шхина и Томир Венолом упоминаются как тройное единство Святого Божества. Символическое число три применяется к Божеству, когда приводятся Его инициалы буквой «шин» (v) в «Шма Исраэль» – исповедании Израиля. Эта еврейская буква явно состоит из трех равных знаков, связанных

¹⁸ Таково традиционное звучание молитвы. Точно не известно изначальное произношение обозначения Бога как Господа в Ветхом Завете. В исторически обозримый период, на основании текстов Исх. 20:7 и Втор.5:11, при чтении ветхозаветных текстов содержащих сокращение YHVH (имя Божие), на этом месте произносилось «Адонай» (как приведено в тексте).

¹⁹ Каббала (евр. «предание») – мистическое течение в иудаизме, которое соединило иудейскую традицию аллегорического толкования Священного Писания с идеями неоплатонизма и гностицизма. Исход, II–III вв. По Р.Х.

одним корнем. Многозначительность этой буквы бросается в глаза. Она есть на правой стороне филактерии для головы и на мезузе для дверей.

Какими бы убедительными ни были все эти доказательства Троицы, Леону они пока что только доказали, что Бог, Его Сущность и Откровение неизмеримы человеческими цифрами и не могут быть ограничены ими. По учению раввинов, Бог, Тора и Израиль представляют собой неделимое, как эхад, единство. Однако все эти беседы и доводы все же приблизили Леона ко Христу еще на один шаг, хотя он не признавался в этом даже себе самому.

Камень преткновения

В душе Леон все еще не мог примирить идею абсолютного Божества с Иисусом Христом. Какими бы ясными ни казались предсказания пророков (Ис. 7:14; 9:6–7; Мих. 5:2), они давали ему только почву для споров. Опять раввинские толкования вторгались в его рассуждения и не позволяли думать беспристрастно. Их педантичный софизм лишал эти места Писания подлинного смысла. Даже 53-я глава книги пророка Исаии, такое явное пророчество о Мессии, либо отбрасывалось раввинами с пренебрежением, либо толковалось по-своему, так что не только Леону, но кому угодно было нелегко вырваться из этих пут.

Помимо раввинских толкований, путь Леона ко Христу преграждала верность Богу отцов и недвусмысленным заповедям Священного Писания относительно других богов и религий. «Да не будет у тебя иных богов, кроме Меня», – звенело у него в ушах. Из 13-й главы книги Второзакония он знал Божье повеление: если бы даже тот пророк, чьи пророчества исполнились в сопровождении великих чудес и знамений в подтверждение его подлинности, начал бы вдруг звать «вслед иных богов», его не только нельзя слушать, но он «подлежит смерти!» То же суровое наказание должно было постигнуть всякого родственника, соседа или близкого друга, который посмел бы уговаривать иудея служить иным богам (Втор. 13:6–10). Леон знал, что за отвращение его народа от Бога и принятие богов неверующих соседей этот народ был сурово наказан вавилонским пленом. Пророк Иеремия дал им текст, чтобы они зазубрили его и использовали против вавилонян, когда те будут склонять их служить своим богам: «Так говорите им: боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес» (Иер. 10:11). Это единственный текст, данный Иеремией на халдейском языке, с которым далеко не все евреи были знакомы. Прежде, чем дать его народу, он призывал их не ходить путями язычников и не учиться от них. Иеремия показал им природу языческих богов (Иер. 10:1–5) и торжественно провозгласил преимущество над ними Бога Израиля: «Нет подобного Тебе, Господи! Ты велик и имя Твое велико могуществом... А Господь Бог есть истина: Он есть Бог живой и Царь вечный» (ст. 6, 10). Эти три молитвы – «Егдал», «Адон Адам» и «Олену» – известны в Израиле с древности и до сего дня.

Со всем этим «багажом» в уме и сердце Леону было нелегко поверить в божественность Иисуса. Понять и принять предсказания пророков о Мессии могут только те, кому это открывает Сила Господня. Пророк Исаия говорил в первом стихе своего пророчества: «Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (53:1). Эти книги закрыты даже для книжников и учителей Израиля, о чем торжественно заявил Исаия: «И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге, которую подают умеющему читать и говорят: „прочитай ее“, и тот отвечает: „Не могу, потому что она запечатана“ ... И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих; то вот, Я еще необычайно поступлю с этим народом, чудно и дивно, так что мудрость мудрецов его погибнет, и разума у разумных его не станет» (29:11–14).

Другим препятствием для Леона было искаженное, уродливое представление христианства в поведении тех, которые исповедали себя как последователи Иисуса Христа, Мес-

сии. Это был весьма непривлекательный образ христианства. Неудивительно, что в защиту иудаизма, который Леон все еще считал правильной или, по крайней мере, самой хорошей религией, он всегда выставлял именно эту негативную сторону христианства. Этим «оружием» Леон пытался отразить попытки подорвать его еврейскую веру. Он помнил себя в синагоге, помнил, как благоговейно исповедал свою веру перед открытым ковчегом, прежде чем из него достали Тору для чтения перед всем собранием. Леон не забыл, как он громко провозглашал «Барух Шамей»: «Благословенно имя Господа Вселенной, единого истинного Бога, чей Закон единственно истинный. Ему Одному мы доверяем и на Него Одного уповаем и не полагаемся ни на какого Бар Элохим» (Сына Божия)». Леон склонялся к почитанию Иисуса скорее как великого Реформатора язычников, даже Пророка, но не как Мессии Израиля. Он уверял, что Иисус не исполнил данных пророками обетований, а именно, что Израиль будет избавлен от своих врагов, его царство будет восстановлено и т. д. Еще меньше Леон был готов поверить во всемогущество Иисуса, жившего как человек, подверженного страданиям и умершего мученической смертью без всяких попыток спасти Себя.

Когда по ходу бесед миссионеры подчеркивали превосходство Иисуса над пророками и даже над Моисеем, это никак не укладывалось в голове Леона, принимавшего за аксиому слова: «И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу...» (Втор. 34:10). Бог превозносит Моисея над всеми другими пророками, как того, с кем Он говорил «уста к уста» (Числ. 12:6–8). Леон впитал все это с молоком матери и не мог изменить своего мнения о Моисее и Иисусе. Во всяком случае, так ему казалось...

Тем не менее, покров начал постепенно спадать с духовных глаз Леона. Он стал более охотно слушать и учиться. Жажда правды, Божьей истины становилась все более очевидной, и он проводил многие ночи за чтением, исследованием Священного Писания. Если бы он только мог поверить в воплощение Иисуса, думал Леон, все другие трудности, связанные с Его Божеством, улеглись бы сами собой.

Однажды Зильберштейн спросил Леона, действительно ли он верит, что Бог – Творец Вселенной. «Да», – ответил Леон. «Тогда, есть ли что-нибудь невозможное для Бога?» – «Конечно, нет!» – был ответ. «Если нет, почему же ты считаешь, что для Бога Чудотворца невозможно позволить Искупителю мира родиться чудесным образом?» Не ожидая ответа, Зильберштейн продолжал: «Каждый истинный еврей верит, что Адам был сотворен, а Ева чудесным образом взята Богом из ребра Адама. Необходимость рождения Искупителя в человеческом теле была предсказана еще в Эдемском саду (Быт. 3:15), а потом через пророков».

К концу бесед с Зильберштейном Леон был лучше, чем когда-либо раньше, подготовлен к его доводам. Он уже не сомневался в том, что раввины исказили и затмили своими толкованиями смысл библейских стихов с мессианскими обетованиями, чтобы оправдать свое враждебное отношение к Иисусу. Теперь он увидел, что раввины неправильно толковали текст Книги пророка Исаии 7:14. Слово «альма» по-еврейски редко означало замужнюю женщину. Таковых называют «иша» или «некева». Маленьких девочек называют «иольда», а молодых девушек – «бетула» или «нара». Зрелых девушек называют «альма» – это женская форма от слова «алам», означающего молодого, холостого мужчину.

Намек на воплощение Мессии есть в комментарии знаменитого раввина Якова Эмдена, в молитвеннике с его именем – «Бет Яков», которым пользуются хасиды. На 30-й странице он говорит о Мессии, что «Он Глава Первого и исшел от Руах ха-Кодеш» (Духа Святости). Простой аргумент Леона, основанный на раввинском толковании Псалма 2:12, что слово «бар» в еврейской фразе «нашку бар» не означает «почтите сына», так как сына обычно называют «бен», а не «бар», вскоре испарился. Слово «бар» в смысле «сын» употребляется в Книге пророка Даниила несколько раз: «Бар Элохим» (Сын Божий, Дан. 3:25), «Бар Анаш» (Сын

Человеческий, 7:13)²⁰. Как ни странно, но в молитве «Барух Шамей», которую повторяют в виде протеста против веры в Сына Божия, тоже употреблен термин «Бар Элохим». О двух линиях мессианских предсказаний – славе и страдании – в комментариях раввинов старой школы есть некоторая путаница. У них принято понимать, что о Мессии пророки говорили как о двух лицах: о страдающем сыне Иосифа и о прославленном сыне Давида. Другие знатоки, комментируя предсказания о Мессии, противоречат себе. Место в пророчестве Исаии 52:13–15, где говорится о рабе Господнем, понимается как относящееся к Мессии – Раб в уничижении, но прославленный и превознесенный выше Авраама, Моисея и ангелов.

В Талмуде, в трактате Санхедрин (Синедрион, 98, кол. 1), рассказывается о разговоре раввина Иешуа бен Леви с пророком Илией, у которого раввин спрашивает, когда придет Мессия. Илия ответил, что его послали к вратам Рима, где он нашел Мессию среди больных и нищих. Глядя на Свои раны, Он перевязывает их одну за другой. Раввин спросил Его: «Когда придет Господь?» И Мессия ответил: «Ныне», ссылаясь на слова 94-го Псалма.

В самый торжественный праздник, День Искупления, произносится признание в том, что Мессия пришел и ушел («Пину Мену Машиах Цидкеню» – Мессия, наш Праведный, отвернулся от нас), и там же Он называется «Понесшим грех и Израненным». В конце этой исповеди евреи умоляют Бога послать Его поскорее. Несмотря на такие ясные указания, сегодняшние раввины, и вообще большинство евреев, не имеют ни малейшего представления о том, что они читают. У них как бы закрыты глаза, и они – не видят.

Леону уже нетрудно было применять к Иисусу эти и другие мессианские предсказания. Он вдруг ясно понял, что Мессия пришел, но был отвергнут по причине духовной слепоты израильского народа, введенного в заблуждение своими вождями. Его сердце с болью повторяло слова пророка: «Упал венец с головы нашей; горе нам, что мы согрешили!» (Плач Иер. 5:16).

С этим последним признанием всякое сопротивление пришло к концу. Обретенное Леоном убеждение приносило ему огромное удовлетворение и душевный покой. Масса словесного мусора была отбита в сторону, и все же тот исторический факт, что Мессия принадлежит прошлому, что Он уже приходил, не оставил следа в духовной жизни Леона. Увы, его убеждение было только умозрительным, не задевшим пока что сердца.

Враг успешно вмешался, и Леон не приложил больше стараний к тому, чтобы обрести «благую часть», которую избрала Мария и о которой Иисус сказал Марфе, что она «не отнимется у нее» (Луки 10:42). Леон продолжал свои занятия по прежнему графику, даже не подозревая, что Господь уже начал Свою работу над ним.

Фанни

Посетив однажды своего дядю, Леон к великому удивлению заметил, что его старшая дочь, с которой он играл в детстве и которую все еще представлял ребенком, расцвела в прекрасную девушку. Дядя был строго ортодоксальным евреем, его жена тоже была весьма религиозной женщиной. После вступления в брак она носила парик, как предписывали раввины. Оба они были разочарованы в племяннике, узнав, что он больше не думает о карьере раввина, переменил образ жизни, надел одежду «гоев», нарушая тем самым Божий закон, изложенный в книге Левит: «Не поступайте по обычаям народа, который Я прогоняю от вас; ибо они все это делали, и Я вознегодовал на них...» (20:23). Ортодоксальные евреи понимают постановление книги Левит буквально: ничто в Израиле не должно напоминать пове-

²⁰ Арамейское слово «бар», что значит «сын» многократно употребляется в арамейских книгах Даниила и Ездры. В еврейском тексте несомненно одно употребление – в позднееврейском фрагменте Книги Притч (31:2). Что касается текста из Книги Псалмов (2:12), то понимание этого фрагмента крайне несогласованно в различных версиях переводов.

дение окружающих народов, которые Бог истребил или прогнал от лица израильтян, вводя их в Святую Землю, и потому одежда евреев всегда отличалась от языческой.

Дядя и тетя порицали Леона за короткий жакет и шляпу «дерби» (котелок). Вместо короткого жакета полагалось носить длинное шерстяное или хлопчатобумажное пальто, причем не из смешанных тканей. Троюродная сестра Леона Фраймет (Фанни) была еще больше родителей поражена видом молодого человека, которого помнила мальчиком, шалости которого нередко причиняли ей неприятности. Его теперешняя внешность и новая цель жизни понравились ей, и друзья детства быстро возобновили старую дружбу. Несмотря на воспитание в строго религиозной семье, Фанни была прогрессивной девушкой, она была исключительно хорошо образована и имела прекрасные манеры.

Сознавая, что его новые убеждения могут создать между ним и Фанни пропасть, Леон решил как можно дольше скрывать их от нее. Однако со временем он понял, что ему придется рискнуть открыться любимой девушке. Как он и думал, она упрекнула его за «безумные идеи» и религиозный фанатизм. Хотя Леон и ожидал сопротивления с ее стороны, он был больше разочарован в ней, когда убедился, что его любимая, несмотря на ее либеральное образование, все еще находится в сетях предубеждений и суеверий. В любом другом случае это открытие стало бы причиной разрыва, но любовь друг ко другу этих молодых людей была глубже, и связь продолжалась. Фанни пыталась всеми силами убедить Леона в том, что он заблуждается. При каждом удобном случае она приводила ему свои доводы, что для Леона было новой возможностью говорить с ней на его любимую тему.

Как и Леон, Фанни прекрасно знала Ветхий Завет, что было само по себе исключением среди еврейских девушек. Закону учили, в основном, мальчиков, а девочки часто были в пренебрежении, они учились возле матерей ведению хозяйства и воспитанию детей, которых в ортодоксальных семьях всегда было много. Но Фанни была образованной девушкой, много читала, с ней было интересно беседовать на другие увлекательные темы. Однако Леон всегда говорил ей, что какой бы интересной ни была другая литература, которую девушка с удовольствием читала, она даст ей того удовлетворения для души, которое дает чтение религиозных книг. Фанни охотно слушала его рассуждения о Ветхом Завете, но ни за что не хотела читать Новый Завет. И все же, несмотря на разницу во мнениях по этому вопросу, их взаимное влечение друг ко другу и любовь помогали преодолевать все препятствия, и молодые люди оставались друзьями, хотя о помолвке пока не было и речи.

Роковое решение

В решающий момент, когда Леон серьезно взвешивал свои убеждения, он вдруг вспомнил о прошлом опыте, когда впервые познакомился с Новым Заветом, и это послужило для него тревожным сигналом. Начав уже идти за Христом, Леон, подобно Петру, увидел сильный ветер и испугался (Матф. 14:30). Лукавый враг напомнил ему о страдании, которое он причинил своей любимой матери, когда принял идущее вразрез с их убеждениями решение и покинул родной дом, разбив все радужные надежды родителей. Внутренний голос настойчиво говорил ему: «Ты почти разбил сердце матери, а теперь твои новые убеждения несомненно нанесут ей смертельный удар. Ты подвергаешь риску жизнь матери!»

Он знал, что еврею может быть прощено все, кроме шага в сторону христианства. Так было тогда, и так это остается сегодня: переход в христианство – самый непростительный грех, причиняющий постоянный, даже вечный разрыв с семьей. Если кто-нибудь в еврейской семье решит исповедать веру в Христа, его сочтут мешамудом (отверженным Богом и людьми). В раввинских кругах, к которым принадлежали родители Леона, крепко верили, что если этот грех будет совершен одним из членов семьи, тот будет лишен участия в вос-

кресении, которому надлежит быть в пришествии Мессии: его душа будет навеки обречена на пребывание в могиле, под особым черным покровом.

Осуждающий голос продолжал мучить Леона: «Как можешь ты сделать такое твоей матери?» Но тут он вспомнил героическое решение Авраама, изменившего свои религиозные убеждения и исповедавшего новые, когда он поверил в живого Бога. Авраам покинул свой дом и страну, разлучился с близкими. Однако в голове опять прозвучало предупреждение: «У тебя совсем другое дело! Ты отворачиваешься от веры своих отцов, верующих в Бога Авраама, Исаака и Иакова. Ты намереваешься стать христианином и поверить в религию язычников».

Это была внутренняя борьба. Леон вспомнил о другом месте Писания, касающемся событий при горе Синай, когда все колено Левия, от которого происходил Леон, мужественно отделилось от других колен, проявивших неверность Богу. Левиты были в почете, их героический поступок упоминается в Моисеевом благословении пред Богом колен Израилевых: «И о Левии сказал: туммим Твой и урим Твой на святом муже Твоем, которого Ты искусил в Массе, с которым Ты препирался при водах Меривы, который говорит об отце своем и матери своей: «я на них не смотрю», и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает; ибо они, левиты, слова Твои хранят и завет Твой соблюдают...» (Втор. 33:8–9). Не должен ли и он поступить так же, т. е. отдать честь Богу, согласно истине, и не участвовать в созданной людьми религии (иудаизме), лишенной первоначального значения и превращенной в религию церемоний и суеверий, такую далекую от истинных Божьих заповедей и постановлений? Порыв был мимолетным. Мать была для Леона дороже всего на свете, и он решил не говорить ничего, чтобы не причинять ей еще большего горя.

Леон дал самому себе обещание, что до тех пор, пока жива его мать, он не сделает публичного исповедания своей новой веры. Для Леона это решение оказалось роковым и с весьма печальными последствиями.

Странные Божии пути

Прошло несколько недель после обещания Леона скрыть свои убеждения до смерти матери, которая была тогда еще совсем не стара и даже ожидала ребенка. Внутреннее убеждение Леона оставалось прежним, но постепенно начал угасать пыл к изучению Божьего Слова, и он перестал говорить о религии с Фанни. Враг добился желаемого: вера Леона стала его частным делом.

В той стадии своей духовной жизни Леон еще не был знаком с беседой Спасителя с «почти учеником». «Господи, позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего», – сказал тот человек, но Иисус сказал ему: «Иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов» (Матф. 8:21–22).

Вскоре Леон получил телеграмму из дому, в которой говорилось, что мать после рождения ее последнего ребенка, девочки, серьезно заболела. Леон отправился домой скорым поездом и нашел мать при смерти. Она оставалась без сознания в последующие два дня его пребывания дома, и у него не было возможности ни поговорить с нею, ни еще раз услышать ее голос. Она умерла в возрасте сорока лет, оставив мужа с четырьмя (кроме Леона) детьми, младшей из которых была новорожденная Фрида. Малышке было всего пять недель. Леону удалось скрыть свою веру в Христа от матери, так что она была лишена возможности услышать свидетельство о Мессии – Спасителе Израиля и всего мира.

Внезапная глубокая утрата была сильным ударом для Леона. Силы тьмы, всегда более активные в таких случаях, снова вызвали в его душе массу вопросов, вследствие которых пошатнулась его вера в Бога. Он то и дело спрашивал себя: «Есть ли справедливость у Бога? Почему его матери пришлось так рано умереть? В частности, под сомнение попало новоза-

ветное учение о том, что «Бог есть любовь» – типичная реакция духовно неопытных душ, которых постигла беда, а знакомство с Божьим характером и Его путями еще не основательно.

Ужасающая процедура

Похороны и погребение матери произвели ужасное впечатление на молодого Леона. Глубоко религиозная семья строго соблюдала повеление, данное в книге Левит: «И сказал Господь Моисею: объяви священникам, сынам Аароновым, и скажи им: да не оскверняют себя прикосновением к умершему из народа своего...» (21:1). Леон никогда раньше не бывал на похоронах, потому что священникам строго запрещалось оскверняться близостью к мертвым. Однако в случае с близкими родственниками – отцом, матерью, сыном, дочерью, братом или сестрой – допускалось исключение, о котором говорят стихи 2 и 3. Похороны совершались по строжайшему религиозному ритуалу. Вся процедура была весьма подавляющей. Вид всей этой церемонии раздирал душу Леона и казался ему более чем страшным.

Сразу же после смерти матери, как только она была освидетельствована врачом, были позваны погребальщики. Они были членами «Чебра Киддуша», или «Священного братства», которое с незапамятных, талмудических времен утешало тех, кто был в трауре во всех достаточно больших общинах. Эти мужчины положили покойницу на голый пол, ногами к дверям. Затем накрыли тело с головою черным покрывалом и поставили в изголовье две черных свечи. Следующей была церемония очищения, которая не была простым омовением, но обрядом под названием Тахара. Не менее девяти ведер воды, заменяющей погружение, было вылито на труп под речитативное повторение определенных молитв. Приводились многие места Писания, в том числе из книги Иезекииля, где Бог говорит Израилю: «И окроплю вас чистою водою – вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас» (36:25). После очищения на глаза покойной положили два черепка, и тело обернули в саван, так называемый таш-рихим, который, по сути, был одинаковой для богатых и бедных белой льняной простыней, символизирующей равенство всего человечества в смерти.

«Священное братство» приходило ко всем опечаленным смертью в семье, помогало совершить погребальный обряд, приносило пищу. Членам семьи не разрешалось готовить еду. Друзья и соседи обычно заботились о питании семьи во время траура и о поминальной трапезе. Перед самыми похоронами, пока тело умершей еще лежало на полу (или на доске), Леону пришлось наклониться к умершей матери и, в знак траура, символически «разодрать одежды», т. е. оторвать от жакета один лацкан, уже надрезанный для этой цели одним из погребальщиков. То же сделали и все остальные члены семьи. Все просили у покойницы «махула» – прощения за возможные обиды, а затем приступили к выносу тела.

Покойников хоронили в день смерти. По Писанию, их нельзя было оставлять в доме на ночь. На кладбище умерших относили на специальных носилках. По строжайшему религиозному обычаю, евреи никогда не делали гробов, но для матери Леона, в виде исключения, потому что она была женой священника, на дно могилы положили две доски. Всех других покойников хоронили просто в земле, завернутыми в саван. После похорон Леон со своими братьями произнес Каддиш – молитву за умерших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.